

Юлия Елес

ПОКА
ЗВУЧИТ
ТЬМА

КНИГА 1

Юлия Елес

Пока звучит тъма. Книга 1

«Автор»

2026

Елес Ю.

Пока звучит тьма. Книга 1 / Ю. Елес — «Автор», 2026

После выпуска из Академии Велария Мираэль возвращается в Эрэбию — домой, где её ждут семья, титул наследницы и будущее, которое слишком многие уже успели распланировать за неё. Но вместе с возвращением приходят странные сны, разломы между мирами и чужой голос, который знает о Мираэль то, чего не помнит она сама. Родители недоговаривают. Хранители задают слишком много вопросов. Даже те, кому она привыкла доверять, хранят свои тайны. Чем ближе Мираэль подбирается к правде, тем яснее становится: прошлое не исчезло. Его у неё отняли. Теперь ей предстоит понять, кому можно верить, что связывает её с надвигающейся тьмой — и кем она станет, если впервые откажется позволять другим решать это за неё.

© Елес Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юлия Елес

Пока звучит тьма. Книга 1

ГЛАВА 1

Последний день

Из окна моей комнаты горы казались ближе, чем были на самом деле. Тяжёлые облака лежали на зубчатых вершинах, цепляясь за острые камни, и только над Академией Велария небо оставалось светлее. Сквозь разрывы облачной пелены пробивалось солнце. Его лучи скользили по высоким шпилям, дробились в витражах и падали на мраморные стены разноцветными пятнами — синими, золотыми, густо-красными.

Когда я впервые увидела Веларию, мне показалось, словно кто-то построил замок из света и поставил его на краю мира. За годы учёбы я успела узнать, где протекает крыша после сильных дождей, на какой лестнице скрипит третья ступень и какое окно в библиотеке лучше не открывать зимой. Величие не исчезло. Просто стало привычным, почти домашним.

И теперь мне предстояло с этим домом попрощаться.

Вчера я ещё могла убеждать себя, что до выпуска далеко. Сегодня оставалось пройти заключительное испытание, выслушать напутственную речь директора, а завтра — улыбаться на выпускном балу. После бала меня ждал путь домой, в Эрэбию. Там я снова стану не просто Мираэль, студенткой Академии, а принцессой, от которой ожидают безукоризненных решений и безукоризненной осанки. Желательно одновременно.

Я отвела взгляд от окна и остановилась перед зеркалом. Свет едва доставал до дальнего угла комнаты. На столе лежали учебные записи, на спинке кресла — аккуратно приготовленная одежда для занятий, а у двери стояла сумка, в которую я всё собиралась наконец сложить оставшиеся вещи.

Утро было обыкновенным. Вот только отражение смотрело на меня так, словно тоже не верило в слово «последний».

Я провела пальцами по щеке. Кожа была прохладной, хотя в комнате топили. Ночью я почти не спала: сначала перебирала в уме заклинания, потом думала о родителях, затем снова возвращалась к заклинаниям, будто от этого зависело, что сказать отцу при встрече. За спиной дрогнула тень. Я заметила движение в зеркале раньше, чем почувствовала знакомый холодок у плеча. Тёмное пятно на стене вытянулось, отделилось от тени шкафа и сложилось в неровный человеческий силуэт. Очертания то проступали яснее, то расплывались, как отражение на воде, которую кто-то едва заметно тревожил.

— Ты репетируешь торжественное выражение лица? — спросил Морвэн. — У тебя неплохо выходит. Особенно та часть, где ты собираешься убедить всех, что совершенно не волнуешься.

— Доброе утро и тебе.

— Я ещё не решил, доброе ли оно. Ты стоишь у зеркала так давно, что я начал подозревать: пытаешься уговорить своё отражение пойти на испытание вместо тебя.

Я обернулась. Морвэн не имел привычки появляться в подходящее время. Впрочем, насчёт неподходящего он тоже придерживался весьма свободных взглядов.

— Я готовлюсь.

— Вижу. На случай нападения особенно опасной причёски?

— К финальному испытанию. А завтра выпускной. Помнишь? Мы уже обсуждали.

— Я помню гораздо больше, чем тебе хотелось бы. — Его голос изменился, утратив лёгкую насмешку. — После выпуска всё станет сложнее. Академия защищала тебя своими правилами. Дома правила будут совсем другими.

Я знала это и без него. Знала по письмам матери, которые неизменно начинались с заботливых вопросов и заканчивались сообщениями о приёмах, советах и людях, с которыми мне предстояло познакомиться. Знала по осторожным формулировкам отца. По тому, как люди произносили слово «наследница», словно оно обозначало не человека, а должность.

— Эрэбия не чужая мне, Морвэн.

— Конечно, нет. Именно поэтому ты смотришь на дорогу домой так, словно она ведёт на казнь.

— Не преувеличивай.

— Я? Никогда.

Я отвернулась, поправляя край рукава. Ткань послушно легла на место, а мысли — нет.

— Я соскучилась по родителям, — сказала я тише. — Хочу увидеть их. Хочу вернуться. Просто... в Веларии я сама выбираю, куда идти после занятий, с кем спорить и когда запереться в библиотеке. Дома любой мой шаг что-нибудь да означает.

Морвэн помолчал. В зеркале его силуэт вытянулся ближе к моему отражению.

— Обязанности тебя не пугают. Ты ими с детства завтракаешь. Тебя бесит другое: дома снова будут заранее знать, какой ты должна быть, ещё до того, как ты откроешь рот.

Мне захотелось возразить немедленно. Возражение уже было готово, но правда иногда действует хуже проклятия: слова застревают, и остаётся только злиться на того, кто произнёс её первым.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Справишься. Ты из принципа переживёшь даже конец света. Только потом не изображай удивление, если однажды уснёшь лицом в королевских документах.

— Кажется, я опаздываю.

— Удобный ответ.

— Зато честный.

Тень будто усмехнулась и отступила к стене.

— Иди, Мираэль. Докажи им, что ты лучшая. А с остальным разберёшься потом. Желательно до того, как начнёшь ночевать на королевских документах.

Прежде чем я успела сообщить, что его советы звучат подозрительно как нравоучения, силуэт растаял. На стене осталась обычная утренняя тень, а на коже — короткое ощущение прохлады. Я задержалась у зеркала ещё на мгновение. Потом взяла сумку и вышла. Лучше столкнуться с Элизой де Монфор, чем признаться Морвэну, насколько точно он попал в больное место.

В коридорах Веларии уже царило предэкзаменационное оживление. Студенты торопились мимо высоких окон, прижимая к груди свитки и конспекты. Кто-то повторял формулы вполголоса. Кто-то смеялся слишком громко — так смеются люди, которым страшно и которые надеются обмануть этим хотя бы самих себя. Под подошвами гулко отзывались старые

каменные плиты. За годы они отполировались до блеска, но не утратили привычки сообщать о каждом опоздавшем на весь этаж.

Я как раз завернула за угол, когда в меня едва не врезалась Лана.

— Мираэль! — Она ухватила за моё предплечье, восстанавливая равновесие. Рыжие пряди выбились из причёски, а зелёные глаза смотрели с таким возмущением, словно я была лично ответственна за приближение испытания. — Ты почему идёшь так спокойно? До начала почти ничего не осталось!

— Потому что бегом я доберусь разве что до лекарского крыла. Ты же знаешь эту лестницу.

— Не шути. Я сейчас серьёзно.

— Я тоже. У неё действительно скользкая третья ступень.

Лана закатила глаза. Но пальцы, которыми она держала меня за руку, постепенно разжались.

— Ты хоть немного нервничаешь? — спросила она. — Сегодня финальное испытание. Наше последнее. И если тебя поставят против Элизы...

— То мы проведём поединок. Как проводили до этого.

— Как будто можно сказать «проведём поединок» и сразу перестать волноваться! Она ведь только и ждёт случая доказать, что лучше тебя.

— У неё есть на это право.

— Ты невозможная.

Я улыбнулась. Лана умела тревожиться сразу за двоих, но при этом в её тревоге было столько тепла, что рядом с ней становилось легче дышать. Она всегда говорила прямо, даже когда следовало бы сначала подумать. Особенно тогда.

— Меня беспокоит не сама дуэль, — призналась я. — Скорее то, что после неё мы уже не сможем делать вид, будто всё по-прежнему. Сегодня мы студенты. А завтра нам начнут задавать совершенно другие вопросы.

Лана замедлила шаг и посмотрела на меня пристальнее.

— Тебе не хочется возвращаться домой?

— Очень хочется. Именно в этом и проблема.

— Звучит ужасно по-королевски. Нормальные люди говорят: «Я соскучилась, но боюсь».

— Значит, я соскучилась и боюсь.

— Вот! Уже лучше. — Она довольно кивнула. — А теперь давай сначала переживём Элизу, потом речи наставников, а потом я обязательно украду тебя хотя бы на один танец. До того как все важные особы решат, что принцессам больше нельзя веселиться.

Мы прошли под каменной аркой, ведущей к тренировочному залу. Лана потянула меня за собой; на этот раз я не сопротивлялась.

Зал встретил нас холодноватым запахом камня, старых заклинаний и едва ощутимым металлическим привкусом в воздухе. На высоких стенах тянулись рунические линии. Когда магия приближалась к ним, они отвечали мягким серебристым свечением, поддерживая защитные чары. Над ареной терялись в полумраке своды, а через витражи падали узкие полосы утреннего света.

Здесь я провела столько часов, что могла бы пройти к центральному кругу с закрытыми глазами. И всё же сегодня привычное пространство казалось непривычно большим. Выпускники собрались вдоль границы зачарованного круга. Я заметила мастера Вейланда возле преподавательских мест: он стоял, сложив руки за спиной, и внимательно оглядывал студентов. От его взгляда редко ускользала ошибка, даже если совершивший её успевал сам себя простить.

А у противоположного края круга ждала Элиза де Монфор.

Её платиновые волосы были собраны так аккуратно, словно ни одна прядь никогда не позволяла себе непослушания. Серебряная вышивка на одежде перекликалась с холодными

всполохами магии возле её пальцев. Даже издали я заметила тонкий иней на камне рядом с её обувью. Когда Элиза волновалась, температура вокруг неё падала на несколько градусов. Она, конечно, утверждала, что это исключительно вопрос контроля.

Наши взгляды встретились.

— Наконец-то, — произнесла она, когда я приблизилась. — Я уж подумала, что ты решила избежать встречи.

— Ты стоишь здесь с самого утра?

— Я готовилась.

— Надеюсь, завтрак в расписании тоже был.

Её губы чуть сжались.

— Тебе всё шутки. Посмотрим, как долго ты будешь улыбаться, когда окажешься на полу.

За моей спиной кто-то негромко присвистнул. Я почувствовала, как Лана напряглась, но не обернулась.

— Мы ещё не начали, Элиза. Давай хотя бы дадим наставнику возможность объявить правила.

Элиза вскинула подбородок. В этом жесте было столько выверенной гордости, что я невольно вспомнила себя перед зеркалом. Каждая из нас старательно держала лицо. Разница заключалась лишь в том, что Элиза пыталась напугать меня, а я — не выдать, насколько напряжена.

— На позиции, — раздался голос Вейланда.

Шёпот вокруг смолк. Мы разошлись к отмеченным рунами местам. Между нами лежали несколько шагов гладкого камня, на котором вот-вот должно было стать слишком тесно для двух магий.

— Вы знаете ограничения круга, — продолжил наставник. — Задача — вывести противника из равновесия или лишить возможности продолжать. Сильнейший удар не всегда лучший. Я хочу увидеть, как вы думаете. Мираэль, Элиза, готовы?

Мы кивнули. У меня слегка онемели кончики пальцев. Я сжала их и разжала, чувствуя привычный отклик силы. Тьма отзывалась не словами — давлением, движением, едва заметной прохладой под кожей. Я знала её повадки. По крайней мере, мне хотелось в это верить. Магический колокол дал сигнал. Элиза двинулась первой. Её ладонь рассекла воздух, и между нами с глухим треском поднялась ледяная стена. Иней побежал по полу белой сетью, едва не добравшись до моих ног. Я отступила на полшага, позволив льду занять пространство: торопиться в её ловушку не входило в мои планы.

Тени у моих ступней вытянулись. Я подняла руки, направляя их по обе стороны от себя. Тёмные ленты скрутились, уплотнились, приняли форму изогнутых клинков и ударили в преграду. Лёд зашипел, по нему пошли тонкие трещины, но стена выдержала. Внутри прозрачной толщи мелькнула фигура Элизы: она уже приготовила следующую защиту.

— И это всё? — донёсся её голос.

Нет. Но я очень хотела, чтобы она так подумала. Я снова ударила в то же место. Теперь трещина стала шире. Вокруг зашевелились студенты. Элиза видела то же, что и они: противница упорно пытается проломить её ледяной заслон. Она даже шагнула ближе, усиливая заклинание. На лице проступила уверенность, которую я ждала. Пора. Я разжала пальцы.

Клинки рассыпались на сотни мелких тёмных частиц, похожих на пепел. Они расплзлись по льду, скрывая повреждения и пряча от Элизы то, куда я на самом деле направляла силу. Не в стену. Под неё — туда, где на освещённый витражами пол ложилась тень самой Элизы. Краем глаза я увидела её движение. Она хотела перестроить защиту, но запоздала на одно дыхание.

Из её тени поднялись тонкие нити. Они обвили край мантии и зафиксировали ткань у камня; ещё две сомкнулись у её запястий, лишая свободы движения, но не причиняя боли.

Элиза рванулась назад. Ледяная стена, оставшаяся без её внимания, вздрогнула, раскололась и осыпалась прозрачными осколками, которые исчезли, едва коснувшись защитной границы круга.

Я удержала нити. Одна — всего одна — дрожала сильнее остальных. Если бы Элиза сейчас попыталась высвободиться резким заклинанием, контроль мог бы сорваться. Я заметила это раньше, чем успела насладиться победой.

— Достаточно, — произнёс Вейланд.

Я тут же отпустила силу. Тени втянулись в обычные очертания, словно ничего не произошло. Элиза выпрямилась,правила мантию и посмотрела на меня так, словно собиралась ещё долго припоминать эту минуту. На мгновение зал застыл. Затем шёпот прокатился по рядам.

— Она использовала чужую тень...

— Ты видел, как обошла защиту?

— Это вообще разрешено?

Я слышала обрывки голосов, пока Вейланд подходил к нам. В животе неприятно сжалось. Судя по его лицу, победа была не единственным, что он заметил.

— Неожиданный ход, — сказал он. — Ты заставила противницу защищать то, что не собиралась атаковать. Хорошо.

Элиза шумно выдохнула. Я не позволила себе улыбнуться.

— Но, Мираэль, — добавил Вейланд, — последняя связка была нестабильна. Ещё немного — и удерживающее заклинание могло перейти в ударное. Ты заметила?

— Да, мастер. Уже после захвата.

— Вот именно. Магия не прощает самодовольства. Запомни: сила даёт тебе возможность сделать ход, но только контроль позволяет закончить партию.

Я склонила голову.

— Запомню.

Вейланд перевёл взгляд на Элизу.

— А ты не строй всю защиту вокруг того, что ожидаешь увидеть. Лёд хорош против удара. Отвлекающий манёвр он сам не распознает.

Элиза резко кивнула. Мы обошли без рукопожатия, но когда она прошла мимо, я услышала почти неслышное:

— В следующий раз не получится.

— В следующий раз я постараюсь придумать что-нибудь новое, — ответила я.

Это была не насмешка. Почти. У выхода меня подхватила Лана.

— Ты видела её лицо? Нет, конечно, ты стояла напротив. Но Мираэль! Я думала, она сейчас превратит весь зал в ледник, а ты взяла и... — Лана изобразила руками нечто среднее между взрывом и взмахом крыльев. — И всё!

— Не совсем «и всё». Вейланд справедливо сделал мне замечание.

— Ну конечно. Он бы и у самого солнца нашёл неправильное направление лучей. — Лана присмотрелась ко мне. — Знаешь, пока ты держала Элизу, мне даже стало не по себе. Не из-за тебя. Из-за того, что вообще можно сделать с тенью. Ты бледная. Всё в порядке?

Я посмотрела на ладони. Они больше не дрожали, но ощущение натянутой последней нити не проходило.

— Да. Просто поняла, где ошиблась.

— Позволишь себе хотя бы пять минут радоваться победе?

— Пять минут, — согласилась я. — Но не больше.

Мы вышли в коридор вместе с остальными выпускниками. Разговоры тут же переплелись с другими — о предстоящем собрании, об оценках, о том, кто первым расплатится на завтрашнем балу. Над дверными проёмами уже парили светящиеся шары. Кто-то из младших студентов пробежал мимо с коробкой украшений, из которой торчали серебристые ленты.

— Говорят, в этом году фонтан наполнится жидким светом! — восторженно сообщила девушка неподалёку.

— Главное, чтобы никто опять не решил проверить, можно ли в нём плавать, — откликнулся её приятель.

Смех прокатился по коридору. Лана засмеялась вместе со всеми, а я невольно задержала взгляд на сверкающих шарах под потолком. Завтра этот коридор будет полон музыки и нарядных гостей. А ещё через день мы разойдёмся своими дорогами. Мне вдруг захотелось запомнить самый обыкновенный шум Академии — не торжественный, не красивый, просто живой.

Лана коснулась моего плеча.

— Идём. Директор не станет ждать, пока ты попрощаешься с каждым камнем.

Я последовала за ней. Она не знала, что была удивительно близка к правде.

Главный зал Веларии я всегда любила меньше библиотеки. Он был чересчур торжественным, открытым — и слишком хорошо напоминал мне о дворцовых приёмах, на которых любое неловкое движение замечали прежде, чем я успевала его исправить. Высокий потолок уходил в сумрак, а на стенах между руническими колоннами тянулись фрески с изображениями старых магов и фей. Под взглядами этих нарисованных героев я каждый раз чувствовала себя немного младше своих лет.

К моменту нашего прихода выпускники почти заняли места. Я устроилась рядом с Ланой. Впереди кто-то вполголоса спорил, не лучше ли было перенести финальное испытание на другой день; сзади двое студентов пытались угадать, какую из своих знаменитых речей директор повторит на этот раз. Потом открылись двери у помоста. Разговоры оборвались сами собой.

Рэдрик Строун прошёл к трибуне неспешно, с той спокойной уверенностью, которая не нуждалась в напоминании о званиях. Седые волосы и глубокие складки у глаз делали его старше многих наставников, но стоило ему взглянуть на зал, как я снова ощутила себя первокурсницей, впервые отвечающей перед директором. Его тёмная мантия была отделана серебряной вышивкой; под высоким окном она казалась почти чёрной.

— Дорогие выпускники, студенты и наставники, — начал он. — Сегодня для вас заканчивается одна из самых важных глав жизни. Я намеренно говорю «заканчивается», а не «завершается успешно». У каждого из вас были поражения, ошибки и дни, когда казалось, что вы не справитесь. И это хорошо.

По рядам прошёл короткий смешок. Директор позволил ему стихнуть.

— Тому, кто ни разу не ошибался в безопасных стенах Академии, будет особенно трудно принять первую ошибку за её пределами. Мы учили вас владеть магией не затем, чтобы вы никогда не сомневались. Мы учили вас замечать последствия собственного выбора. Иногда самые опасные решения принимаются в полной уверенности, что вы правы.

Я невольно вспомнила тонкую нить, дрожавшую у запястья Элизы. На миг мне показалось, что Вейланд успел пересказать директору весь поединок. Но Рэдрик говорил со всеми, не выделяя никого.

— Завтра нас ждёт выпускной бал, — продолжил он. — Будут поздравления, музыка, смех. Позвольте себе этот вечер. А потом отправляйтесь туда, куда ведёт ваш путь. Кто-то вернётся домой, кто-то останется учиться дальше, кто-то впервые увидит мир, о котором прежде читал только в книгах. Но куда бы вы ни отправились, помните: сила может остановить противника. Мудрость иногда позволяет вовсе не начинать сражения.

В зале стало тихо. Он перевёл взгляд вдоль первых рядов, задержался на Лане, затем — на мне. Я не могла знать, что он подумал; только заметила, как его лицо на мгновение стало серьёзнее.

— И ещё одно, — добавил директор. — Не превращайте долг в оправдание жестокости, а страх — в повод отказаться от себя. Ни титул, ни дар, ни чужие ожидания не освобождают вас от ответственности быть человеком, которому вы сами сможете смотреть в глаза.

Он отступил от трибуны. Аплодисменты начались не сразу; сперва кто-то хлопнул в ладони один раз, потом другой, и вскоре под сводами разлился плотный, тёплый шум. Я хлопала вместе со всеми, но последняя фраза директора застряла в памяти. Ни титул, ни дар. Слова очень точно совпали с тем, о чём я пыталась не думать с самого утра.

Когда мы поднялись, Лана схватила меня под руку.

— У меня ощущение, что он лично заглянул в мои конспекты и нашёл там все ошибки разом, — прошептала она. — Это его талант?

— У Вейланда талант находить ошибки в заклинаниях. У директора — в людях.

— Как утешительно. Так, слушай. Я сейчас помогу с украшениями на западной лестнице, а потом разыщу тебя. Не исчезай, ладно?

— Постараюсь.

Она подозрительно сощурилась.

— Это означает «исчезну, как только ты отвернёшься».

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

Лана обняла меня на бегу и растворилась в потоке студентов. Я ещё немного постояла у дверей зала. Мне хотелось тишины; после дуэли и речи директора звуки Академии казались необычайно громкими. Я направилась к саду, обещая себе вернуться до ужина. Каменные дорожки уходили между старыми деревьями и небольшими клумбами. По краям ступеней тянулся мох, в траве светились редкие цветы, а за арками слышалась вода. Здесь Велария переставала казаться неприступной крепостью знаний и становилась тем местом, где мне когда-то позволили быть просто собой.

Солнце уже клонилось к горам. Я шла медленно, касаясь пальцами прохладного каменного парапета, пока не заметила возле старого дуба знакомое движение.

— Ты всегда выбираешь самые драматичные места для появления? — спросила я, не сбавляя шага.

Тень под деревом отделилась от ствола. Её края затрепетали, вытянулись, и передо мной возник Морвэн — не столько человек, сколько его теневое подобие. На коротких чёрных волосах не лежал свет, а в тёмных глазах мерцали крошечные искры, похожие на далёкие звёзды. В этой части сада никого не было. Он знал, где может позволить себе принять более узнаваемый облик, а где лучше остаться незаметным.

— Я выбираю места, где ты наконец перестаёшь от меня убегать, — сказал он. — Сегодня их осталось немного.

— И давно ты за мной следишь?

— Ты же сама когда-то призвала меня, Мираэль. Должен же я оправдывать доверие.

— Меня смущает твоё представление о доверии.

— А меня — твоё представление о своевременном отдыхе. Мы квиты.

— Не преувеличивай. Утром мы прекрасно поговорили.

— Ты ушла сразу, как только разговор стал интересным.

Я свернула к старому мосту через узкую реку. Морвэн двинулся рядом, почти не касаясь дорожки. Если смотреть краем глаза, его тень сливалась с тенями деревьев. Я давно привыкла к этому, но иногда всё ещё ловила себя на странной мысли: трудно представить, что рядом с тобой идёт тот, чью руку ты не всегда можешь коснуться.

— Как испытание? — спросил он.

— Ты разве не видел?

— Возможно, видел. Но мне любопытнее, что скажешь ты.

— Я победила Элизу.

— Поздравляю. Теперь ты должна быть счастлива, беззаботна и совершенно готова ко всему на свете.

— Ты решил весь день говорить моим голосом?

— Нет. Он у меня получается чрезвычайно серьёзным.

Я фыркнула. На мгновение стало легко. Но уже через несколько шагов мысли вернулись к словам директора, к письмам из дома и к тому, как быстро исчезает привычная жизнь, стоит однажды произнести слово «выпуск».

— Я ошиблась в конце заклинания, — сказала я. — Совсем немного. Вейланд заметил. Я тоже, но поздно. Все смотрели на победу, а я думала о том, что могло случиться, не останови он поединок.

— Значит, ты научилась не только побеждать.

— Это должно утешить?

— Нет. Я не нанимался тебя утешать. Я напоминаю, что ты живая. С живыми такое бывает.

Впереди показался мост. Каменные перила были испещрены тонкими царапинами; в детстве мы с Ланой пытались отыскать среди них старые ученические знаки и без конца спорили, что они означают. Сейчас вода под мостом была тёмной, и в ней отражался кусок вечернего неба. Я остановилась у середины пролёта.

— После бала мне придётся уехать, — произнесла я. — Дома отец и мать ждут меня столько лет. А я боюсь, что вернусь — и они увидят кого-то совсем другого.

Морвэн не перебил.

— Здесь меня знают как Мираэль. Не потому, что я принцесса. Потому что я могу ошибиться на занятии, спорить с наставником, прятаться от Ланы в библиотеке. Даже Элиза ненавидит меня за мои собственные заслуги. — Я невольно улыбнулась. — Дома всё будет иначе. Один неверный шаг, и его припишут не мне, а всей семье.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю.

Признание вышло неровным. Я сжала пальцы на холодных перилах.

— Я говорю всем, что готова. Родителям в письмах. Лане утром. Тебе. Но это неправда, по крайней мере не вся. Я знаю, какие обязанности меня ждут. Я училась, чтобы их выполнять. Только никто не объяснил, как оставаться собой, когда от тебя постоянно требуют быть кем-то ещё.

Морвэн стоял так тихо, что на несколько мгновений его можно было принять за тень от перил.

— Когда-нибудь тебе придётся выбрать, чьими словами определять себя, — сказал он наконец. — Своими или чужими.

— Легко сказать.

— Я и не обещал, что будет легко.

Я посмотрела на него. Обычно Морвэн отвечал насмешкой на любую попытку поговорить серьёзно. Теперь он не улыбался, и от этого его слова звучали тяжелее.

— Ты считаешь, у меня получится?

— Считаю, что ты будешь искать выход даже тогда, когда все остальные решат, будто выхода нет. Я видел это достаточно раз. Но мне не нравится, как ты превращаешь силу в обязанность никогда не просить помощи.

Я отвела глаза к реке. Ветер шевельнул волосы, и в воде дрогнуло моё отражение.

— У меня есть люди, которым я доверяю.

— Тогда позволь им иногда быть рядом. Не только в сражении, где всем ясно, что делать. В обычный день тоже.

Я вспомнила Лану, которая утром тащила меня к тренировочному залу, Каэля с его неизменной привычкой появляться именно тогда, когда я начинала тонуть в собственных мыслях, письма родителей, иногда неловкие, но всегда ждущие ответа.

Я не была одна.

Странно, что признать это вслух всё ещё казалось почти поражением.

— Ты сегодня уж очень разумен, — сказала я. — Это настораживает.

Морвэн прижал ладонь к груди с преувеличенным достоинством.

— Постараюсь больше не повторять.

Я рассмеялась — тихо, но уже без усилия. Он чуть склонил голову, словно этого и добивался.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодари слишком громко. У меня репутация.

Я повернулась к тропинке, ведущей к жилому крылу. Над садом стужался вечер. Морвэн сделал шаг назад; его очертания уже начинали распадаться.

— Завтра будет бал, — напомнил он. — Постарайся хотя бы ненадолго забыть о государственных обязанностях.

— И это говорит тот, кто весь день напоминал мне о будущем?

— У меня многогранный характер.

— У тебя непомерное самомнение.

— Одно другому не мешает.

Он исчез, оставив на дорожке лишь тень дерева. Я постояла у перил ещё минуту. Ни разговор, ни победа над Элизой не избавили меня от тревоги. Но она уже не казалась огромной тёмной дверью, которую придётся открывать в одиночку. Я вернулась к Академии, когда в окнах зажглись первые огни.

У своей комнаты я заметила Каэля раньше, чем он меня. Он стоял у двери, слегка прильнув плечом к стене, и рассматривал что-то в ладони. Серебристые волосы при вечернем свете казались почти белыми. Услышав шаги, он поднял голову, и его светло-голубые глаза сразу нашли мои.

— Ты всегда настолько терпелив? — спросила я.

— Только когда ожидание обещает быть интересным. — Каэль убрал руку и улыбнулся.

— Я хотел тебя увидеть перед завтрашним балом. Но, кажется, выбрал неудачный час.

— Неудачный? Я бы сказала, почти идеальный. Ещё немного — и тебе пришлось бы спасать меня от собственных мыслей.

— Тогда я пришёл вовремя.

Я открыла дверь ипустила его. В комнате пахло воском от свечей и сухими страницами книг. Я едва успела убрать со стула конспекты, которые там совершенно не должны были лежать, а Каэль уже устроился у стола так, словно провёл здесь половину своей жизни. Иногда мне казалось, что он чувствует себя у меня свободнее, чем я сама.

— Как прошло испытание? — спросил он.

— Ты разве не слышал?

— Слышал три совершенно разные версии. В одной ты одолела Элизу одним взглядом, в другой чуть не обрушила крышу, а в третьей Вейланд наконец признал тебя гением и заплакался.

— Последняя особенно неправдоподобная.

— Я так и подумал. Значит, первые две правда?

Я рассказала ему о ледяной стене, теневых нитях и замечании наставника. Каэль слушал, не перебивая, а когда я дошла до дрожавшей последней связки, его улыбка исчезла.

— Ты испугалась?

— Уже после. Во время поединка некогда было.

— Самое неприятное время для страха, — заметил он. — Когда опасность прошла и больше нельзя ничего исправить.

Я удивлённо взглянула на него.

— Откуда такая мудрость?

— Пришлось однажды кое-чему научиться.

Он сказал это легко, но я заметила знакомую закрытую дверь в его голосе. Иногда Каэль рассказывал о себе настолько охотно, что можно было забыть, сколько вопросов он на самом деле оставлял без ответа. Я присела на край кровати и некоторое время рассматривала узор на покрывале. У меня был вопрос, который я собиралась задать весь день. И оттого, что это был простой вопрос, произнести его оказалось почему-то особенно трудно.

— Каэль... Ты занят завтра вечером?

Он поднял бровь.

— Это зависит от того, собираешься ли ты поручить мне что-нибудь опасное.

— Самое опасное. Выпускной бал.

— Тогда мне понадобится оружие и запасной выход.

— Я серьёзно.

Он перестал улыбаться, хотя в глазах ещё держалась тёплая насмешка.

— Я тоже слушаю серьёзно.

Я набрала воздуха.

— Родители приехать не смогут. Ты знаешь, как у них сейчас много дел. Лана будет со своей группой, а Морвэн... — Я замялась, подбирая слова. — Скажем так, я не могу вывести его в центр зала и представить всем присутствующим. Мне не хочется весь вечер стоять одной под взглядами людей, которые уверены, что принцесса обязана чувствовать себя прекрасно на любом приёме. Не составишь мне компанию?

Каэль несколько секунд смотрел на меня молча. Я уже успела пожалеть, что превратила простое приглашение в целую речь, когда он усмехнулся.

— Мираэль, я решил прийти к тебе как раз затем, чтобы спросить об этом первым.

— Правда?

— Ты опередила меня. И, должен признаться, сделала это гораздо убедительнее. Особенно часть про Морвэна в центре зала. Представил — теперь долго не забуду.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Значит, ты согласен?

— Конечно. Кто-то ведь должен следить, чтобы ты не исчезла за первой же колонной, как только начнутся торжественные речи.

— Я никогда так не делаю.

Каэль посмотрел на меня.

— Ладно, — призналась я. — Почти никогда.

Он сел в кресло напротив, вытянув ноги, и я почувствовала, как из комнаты понемногу уходит напряжение. Мне не требовалось взвешивать каждое слово, прежде чем сказать его. Каэль мог подтрунивать надо мной, спорить, молчать. И ни одно из этих занятий не было попыткой напомнить, кем я обязана стать.

— Только учти, — предупредила я, — никакого демонстративного сопровождения. Мы будем просто двумя людьми, которые пришли на бал.

— Как пожелаешь, принцесса.

— Каэль.

— Прости. Просто двумя людьми. Один из которых, по совершенно случайному совпадению, наследница Эрэбии.

Я бросила в него маленькую подушку. Он поймал её почти не глядя и положил на колени с видом человека, которому только что вручили государственную награду.

— А ты ещё говоришь, что не любишь придворные церемонии, — заметил он.

— Это не церемония. Это предупреждение.

Мы замолчали ненадолго. Снаружи кто-то прошёл по коридору, громко обсуждая зава-
трашные украшения, и снова стало тихо. Каэль провёл ладонью по краю подушки.

— Знаешь, я иногда вспоминаю одно из наших прежних путешествий, — сказал он. —
То, в другой мир. — Там у тебя было куда меньше времени на размышления. И всё равно ты
умудрялась находить выход.

Я тоже помнила. Чужие дороги, опасности, людей, которым нельзя было доверять, и
моменты, когда мы оставались живы скорее благодаря своевременному решению, чем заранее
продуманному плану. Мы вернулись с этим опытом, но ни один из нас не любил подробно его
пересказывать.

— Ты сейчас пытаешься меня похвалить или намекнуть, что я очень долго думаю?

— Немного того и другого.

— Мы выбрались оттуда вместе, — напонила я. — Не только благодаря мне.

— Ты не умеешь принимать комплименты.

— А ты уж очень легко их раздаёшь.

Каэль улыбнулся, но я заметила, как при упоминании путешествия он на мгновение отвёл
глаза. Вопрос возник сам собой, старый и неудобный.

— У тебя тогда было столько ответов, которых не было у остальных. И сейчас бывает.
— Я чуть наклонилась вперёд. — Каэль, сколько ещё вещей ты считаешь нужным от меня
скрывать?

Он не ответил сразу. Тишина между нами изменилась. Не стала враждебной — просто в
ней появилось то расстояние, которое я замечала всякий раз, когда подходила слишком близко
к его прошлому.

— Есть вещи, о которых я пока не могу говорить, — произнёс он наконец.

— Потому что не доверяешь мне?

— Нет. — Ответ был быстрым и твёрдым. — С этим как раз всё просто. Я доверяю тебе.

Я ждала продолжения. Он вздохнул и покачал головой.

— Но не всякий рассказ становится легче оттого, что произнесён вслух. Особенно если
я сам ещё не нашёл для него правильных слов.

Мне хотелось настаивать. Каэль знал меня достаточно хорошо, чтобы видеть это по лицу.
И всё же он остался на месте, не отвернулся, не попытался превратить всё в шутку. Наверное,
именно это удержало меня от нового вопроса.

— Хорошо, — сказала я. — Но однажды я всё-таки потребую полный рассказ.

— Не сомневаюсь.

— И тогда никакие красивые формулировки тебя не спасут.

— Значит, подготовлю некрасивые.

Я улыбнулась. Не потому, что получила ответ. Ответа не было. Но Каэль хотя бы не
заставлял меня чувствовать себя глупо за то, что я спрашивала. Он посмотрел на стол, зава-
ленный бумагами.

— У тебя ещё много дел?

— Я собиралась разобрать записи, проверить документы и, возможно, научиться не нерв-
ничать до завтра.

— Последнее звучит чрезмерно амбициозно. Предлагаю начать со сна.

— Ты говоришь как мой наставник.

— Тогда я должен добавить что-нибудь про дисциплину и последствия ошибок.

— Пожалуйста, не надо. Я уже получила свою порцию на сегодня.

Каэль поднялся и положил подушку на место. У двери он остановился.

— Я приду за тобой завтра, — сказал он. — И если захочешь сбежать от толпы, мы найдём место потише. Не обязательно ждать, пока станет совсем невыносимо.

У меня неожиданно защемило в горле от совершенно простых слов. Я отвела взгляд, делая вид, что поправляю книги.

— Спасибо.

— За что именно?

— За то, что пришёл. За то, что согласился. И за то, что не пытаешься убедить меня, будто я обязана любить балы.

— О, я и сам к ним отношусь с осторожностью, — сказал он. — Но ради хорошей компании готов рискнуть.

Он чуть улыбнулся.

— Спокойной ночи, Мираэль.

— Спокойной ночи, Каэль. До завтра.

— До завтра, принцесса.

Дверь закрылась за ним негромко. Я прислонилась к ней спиной и позволила себе несколько секунд постоять неподвижно.

В комнате всё осталось таким, как было до его прихода: книги на столе, одежда на кресле, слабый свет у окна. Но я уже не чувствовала себя человеком, которому поручили в одиночку удерживать целый мир. Морвэн был прав, и от этого становилось даже немного досадно: помощь не обязательно нужно заслуживать подвигом. Иногда достаточно просто попросить, чтобы кто-то пришёл на бал вместе с тобой.

Я вернулась к столу, убрала конспекты в папку и проверила бумаги, которые надо было взять с собой после выпуска. На нескольких страницах задержалась дольше, чем следовало, а потом всё-таки закрыла папку.

До Эрэбии оставался ещё один день. Сегодня я могла хотя бы выспаться.

Я погасила лишние свечи, оставив только небольшую у кровати, и села на край покрывала. В окнах жилого крыла один за другим гасли огни. Где-то далеко прозвенел вечерний колокол. Академия готовилась ко сну, как делала это тысячи раз прежде, и от этого простого звука мне вдруг стало грустно сильнее, чем от всех торжественных речей.

Завтра будет бал. Потом дорога домой. Дальше — жизнь, которую я столько лет пыталась представить и которую теперь боялась узнать наяву. Я легла, натянула одеяло до плеч и закрыла глаза. Мне не нужно было решать всё этой ночью. Не нужно было становиться идеальной наследницей до рассвета. Пока достаточно было оставаться собой.

ГЛАВА 2

Бал

Я стояла посреди леса и не помнила, как туда попала. Под ногами темнела влажная земля. Между корнями лежали прошлогодние листья, и от них пахло сыростью, хотя воздух вокруг оставался неподвижным. Ни одного огня, ни просвета между деревьями. Только высокие стволы, уходящие вверх так далеко, что кроны терялись в темноте. Я подняла голову. Ветви колыхались, но ветра не было. Сначала мне показалось, что движется весь лес, медленно поворачиваясь ко мне, словно огромное существо, которое только что услышало своё имя.

Я попыталась отступить. Нога не сдвинулась ни на ладонь. Земля не держала меня — я не чувствовала ни корней вокруг щиколоток, ни магической преграды. Тело попросту отказывалось подчиняться. Я смогла пошевелить пальцами, сжать руки в кулаки, повернуть голову. Но сделать шаг не получалось.

Страннее всего было отсутствие страха. Я понимала, что должна испугаться. В Академии нас учили оценивать опасность прежде, чем она успеет назвать себя. И всё же вместо тревоги во мне росло необъяснимое чувство узнавания. Словно я уже стояла среди этих деревьев. Будто когда-то знала, куда ведёт тропа, которой теперь не видела.

Где-то за спиной хрустнула ветка. Я резко обернулась, насколько позволяла скованность тела. Между стволами стоял человек. Нет. Я не могла с уверенностью сказать, что это человек. Фигура почти сливалась с темнотой. Я не различала ни лица, ни одежды, ни даже точных очертаний плеч. Только глаза — два далёких холодных огонька, похожих на звёзды, которые смотрят на тебя сквозь слишком глубокую воду.

— Ты не забыла? — спросил незнакомец.

Голос был ровным. Не угрожающим, не ласковым. Но от его вопроса меня пронзило ощущение, словно кто-то открыл дверь в комнату, существование которой я давно отрицала.

— Что именно?

Он промолчал.

— Кто ты? — спросила я громче. — Где мы?

Незнакомец чуть наклонил голову. Движение показалось знакомым, и я почти ухватила за это сходство, но память не предложила мне ни одного имени. «Значит, ты помнишь». Слова прозвучали не в воздухе, а где-то у меня внутри. Я вздрогнула. «Я думал, ты забудешь».

— Я тебя не знаю.

«Знаешь. Только не так, как думаешь». Я снова попробовала шагнуть к нему. Безрезультатно. Подошвы оставались на месте, как бы сильно я ни напрягала ноги.

— Тогда помоги мне вспомнить.

Он словно приблизился, хотя я не увидела ни одного шага. Темнота между нами сгустилась, и на мгновение мне показалось, что вот сейчас я различу его лицо. Вместо этого я увидела только звёздные глаза — весьма яркие для места, куда не проникал свет.

— Всему своё время, Мираэль. Ты не просто фея. Тебе предстоит узнать о себе гораздо больше, чем ты готова принять сейчас.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Вопрос остался без ответа. Тихий шорох прошёл между деревьями, будто лес зашептался сразу на сотне голосов. Я не разобрала слов. Только отдельные звуки, глухие и торопливые, похожие на разговор за запертой дверью. Я обернулась на движение справа и заметила вторую фигуру. Она стояла далеко, почти у самого края видимой тропы. Неподвижная, безмолвная. Её лицо тоже скрывала тень. Я не могла определить, смотрит ли она на меня или на первого незнакомца, но от её присутствия между лопатками пробежал холод.

— Кто это? — спросила я.

— Ты видишь его, — произнёс первый голос. Не вопрос, скорее вывод. — Он тоже не забывает.

— Не забывает чего?

Я не получила ответа. Вторая фигура не приближалась, а лес вокруг неё казался ещё темнее. Я попыталась поднять руку и вызвать магию. Тени у моих ног никак не откликнулись. Я попробовала снова, сильнее, и ощутила пустоту там, где обычно жила знакомая сила. Теперь стало страшно.

— Подожди. — Я снова повернулась к незнакомцу со звёздными глазами. — Если ты знаешь, что здесь происходит, объясни. Не говори загадками.

— Твой путь не будет лёгким.

— Я этого и не прошу. Я прошу ответить.

В ответ он протянул руку. Между нами оставалось несколько шагов, но мне показалось, что его пальцы могут коснуться моего лба, стоит лишь податься вперёд.

— Время, Мираэль, всегда имеет свой конец.

Листья под ногами зашевелились. Земля вдруг подалась вниз, словно скрывала под собой пустоту. На этот раз я смогла пошевелиться — и едва не потеряла равновесие. Ветка ударила по плечу, хотя до ближайшего дерева было далеко. Голоса становились громче; они перемешивались, повторяли друг друга, мешали понять хоть слово.

— Стой! — крикнула я. — Ты так и не сказал, кто ты!

Звёздные глаза потускнели. Фигура отступила в темноту или сама темнота сомкнулась вокруг неё — я не успела различить. «Ты всё равно вспомнишь».

— Нет! Сначала скажи, что это значит!

Земля ушла из-под ног. Я падала, но не чувствовала воздуха на лице. Не было ни верха, ни низа, только чёрное пространство и шёпот, от которого невозможно закрыть уши. Я вдохнула — и не смогла набрать воздуха. Проснулась я с резко оборвавшимся вдохом. Несколько мгновений мне казалось, что я всё ещё падаю. Пальцы судорожно сжимали край одеяла, сердце билось так сильно, что его стук отдавался в горле. Потом взгляд зацепился за знакомые очертания кровати, за стол у окна, за оставленную на спинке кресла одежду.

Моя комната. Академия. Утро. Я заставила себя разжать руки. За занавеской светлело небо. Где-то в коридоре прошли двое студентов — я услышала смех, затем быстрые шаги. Обычные звуки просыпающегося жилого крыла. Они должны были успокоить, но я продолжала смотреть на стену, где Морвэн любил появляться по ночам. Сейчас там лежала простая тень от шкафа.

— Морвэн? — позвала я тихо.

Никто не ответил. Наверное, он не услышал. Или решил, что я ещё сплю. Я почти произнесла его имя снова, но остановилась. Хотелось сначала понять, что рассказать. «Мне снился лес, кто-то знал моё имя и говорил загадками» — не самое убедительное начало разговора, особенно с тем, кто сам предпочитал отвечать загадками. Я села и поставила ноги на пол. Камень оказался прохладным. Никаких корней, никакой преграды. Сделала шаг к окну, потом второй, просто чтобы убедиться: могу.

Образы сна уже начинали распадаться. Я помнила неподвижный лес, вторую фигуру вдали и глаза первого незнакомца. Помнила каждую интонацию, но не могла восстановить рас-

стояние между деревьями или понять, откуда лился тот слабый свет. Чем сильнее пыталась удержать подробности, тем быстрее они ускользали. Только вопрос оставался прежним: что я должна была помнить? Я открыла окно. Утренний воздух пах мокрым камнем и цветами — перед выпускным балом внутренний двор украшали ещё с рассвета. Снизу донёсся чей-то недовольный возглас, следом раздался смех. Кто-то, судя по звуку, уронил ящик с украшениями.

Я прижала ладони к прохладной раме. Сегодня мне предстоял бал. Завтра — отъезд. Я уже знала расписание почти наизусть, и оно не оставляло времени на разгадывание снов. Это был всего лишь сон. Скорее всего. Я отправилась умываться, надеясь, что тёплая вода приведёт мысли в порядок. Смывая с лица остатки ночной тревоги, я снова услышала про себя: «Ты не забыла?» — и едва не выронила полотенце.

В зеркале на меня смотрела та же Мираэль, что и вчера: чуть усталая, с привычкой хмуриться, когда не находила ответа.

— Сначала переживи выпускной, — сказала я отражению. — Потом будешь разбираться с судьбой.

Отражение выглядело не слишком убеждённым.

К полудню двор Академии стал похож на мастерскую, которой поручили украсить целое королевство, но забыли сообщить сроки.

Вдоль арок протянули гирлянды, над дорожками плавали хрустальные сферы, возле фонтана спорили двое студентов из светлого отделения: один настаивал, что огоньки должны двигаться по кругу, второй хотел пустить их спиралью. У стен стояли корзины с цветами. В воздухе пахло травами, свежими листьями и пылью, которую поднимали, перетаскивая скамьи.

Я пришла помочь с последними чарами. Старшие преподаватели уже распределили работу, и мне достались световые ленты для входной аллеи — простая декоративная магия, не требовавшая особых усилий. После вчерашнего испытания было даже приятно создавать что-то, чего никто не собирался разбивать ледяной стеной. Я подняла руки, и несколько узких полос света оторвались от сложенной на парапете ткани. Они потянулись к арке, плавно переплелись и застыли на камне тонким узором. При дневном освещении ленты выглядели едва заметно, зато вечером должны были засветиться мягким серебром.

— У тебя есть редкий дар превращать даже украшение двора в экзаменационную работу, — произнёс за спиной знакомый голос.

Я опустила руки. Передо мной стоял директор Рэдрик Строун.

На торжественное собрание вчера он вышел в парадной мантии, сегодня же серебряная вышивка на воротнике его тёмной одежды почти терялась среди складок. Седые волосы были зачёсаны назад, в руках он держал несколько листов, исписанных мелким почерком. Я заподозрила, что организаторы бала уже успели потребовать от него больше решений, чем весь преподавательский совет за неделю.

— Кто-то должен следить, чтобы ваши гости не спотыкались о плохо закреплённые чары, — ответила я.

Он поднял глаза на арку, оценил переплетение света.

— С этим ты справилась. Но я имел в виду не качество работы.

Я немного смутилась.

— Просто хочу довести всё до конца.

— Знаю. — Директор сложил бумаги. — И это качество часто тебе помогало. Только помни: однажды у тебя появятся обязанности, которые невозможно выполнить идеально. Придётся решать, чему уделить силы, а что оставить другим.

Вчера, со сцены, он говорил о выборе перед всеми выпускниками. Сейчас, когда мы стояли среди корзин с цветами и шумных помощников, его слова почему-то прозвучали гораздо серьёзнее.

— Вы напоминаете мне родителей, — призналась я.

— Надеюсь, в разумных пределах.

Я улыбнулась и потянулась к оставшейся ленте, но директор не ушёл.

— Мираэль, ты в последнее время не замечала ничего необычного?

Я замерла.

— Например?

— В собственной магии. В ощущениях, которые раньше казались привычными. — Он посмотрел на студентов у фонтана, словно выбирая, насколько откровенным может быть здесь разговор. — Иногда мир меняется очень тихо. Даже те, кто умеет слышать магию, не сразу понимают, что она звучит иначе.

Я вспомнила лес, неподвижные ветви, отсутствие ответа, когда попыталась призвать тени.

— Вам известно что-то о границах между мирами? — спросила я.

Директор снова посмотрел на меня. На мгновение его лицо стало настороженным.

— Почему ты спрашиваешь?

— Вы говорили об этом прежде. И мне... кое-что приснилось.

Он не потребовал подробностей. Подождал, пока я решу, продолжать ли, и я сама не смогла подобрать подходящих слов.

— Границы между мирами не всегда одинаково надёжны, — сказал он наконец. — Мы привыкли считать их чем-то неизменным, потому что так спокойнее. Но магия не обязана подчиняться нашим представлениям о порядке.

— Вы думаете, сон может быть связан с этим?

— Я не знаю, что тебе снилось. И не стану выдавать догадки за ответы.

Впервые за утро я почувствовала облегчение. Кто-то наконец произнёс простое «не знаю» вместо обещания, что всё объяснится в своё время.

— Но ты ведь понимаешь, — продолжил он, — что не всякая тень враждебна. Иногда она появляется там, где есть свет. А иногда мы видим угрозу лишь потому, что не понимаем её природы.

Я опустила взгляд на собственные руки. Морвэн мог бы оценить эту фразу. Хотя наверняка добавил бы какую-нибудь язвительность насчёт тех, кто при виде тени сразу тянется за оружием.

— Это совет или предупреждение, директор?

Он задержался с ответом.

— И то и другое, если захочешь прислушаться. Но прежде всего — совет не делать выводов раньше, чем появятся факты. Сны бывают удивительно убедительны. Это ещё не делает их правдой.

У фонтана кто-то позвал его по имени. Директор вздохнул, как человек, которому не позволили закончить важную мысль, и снова взялся за бумаги.

— Наслаждайся вечером, Мираэль. Это тоже часть жизни, которой не стоит пренебрегать ради ожидания беды.

— Постараюсь.

Он кивнул и направился к лестнице. Я ещё некоторое время стояла под аркой, наблюдая, как ветер слегка шевелит световые ленты. Они держались крепко. По крайней мере, с одной из сегодняшних задач я справилась. А вот с другой — перестать думать о лесе — было сложнее.

Когда я вернулась в комнату, солнце уже клонилось к вершинам гор. Витражи в коридорах горели тёплыми красками, и Академия постепенно меняла дневную суету на ожидание праздника. Где-то репетировали музыканты; сквозь приоткрытое окно долетал то один и тот же короткий мотив, то раздражённый голос, просящий начать сначала.

На кровати ждал приготовленный к вечеру наряд. Я несколько минут разглядывала его, прежде чем решила переодеться. Не потому, что не знала, как он выглядит, — просто после многих лет академической формы торжественная одежда казалась принадлежностью другой жизни. Той, в которой люди сначала замечают титул и только потом — человека.

Ко времени, когда я привела себя в порядок, за окном уже зажигались первые фонари. Я поправила выбившуюся прядь перед зеркалом, проверила, не зацепилась ли застёжка за ткань, и подумала, что на этом можно остановиться. Если продолжать искать несовершенства, я обнаружу их ровно столько, сколько хватит до следующего утра. В дверь постучали.

— Открыто, — отозвалась я.

Каэль вошёл не сразу: приоткрыл дверь, дождался моего взгляда и только потом шагнул в комнату. На нём был тёмный костюм Хранителей, на воротнике и манжетах которого серебром шли знакомые символы. Одну перчатку он уже надел, вторую держал в руке. Увидев меня, остановился.

— Что? — спросила я, не выдержав паузы. — Неправильно застегнула?

— Нет. — Он улыбнулся. — Я подбираю слова, которыми можно сделать тебе комплимент и при этом не услышать, что я преувеличиваю.

— Похоже, не найдёшь.

— Тогда обойдусь без подготовки. Ты очень красива, Мираэль.

У меня почему-то стало теплее щекам. Compliments при дворе я слышала достаточно часто, чтобы научиться пропускать их мимо ушей. С Каэлем это правило всегда работало хуже.

— Спасибо, — сказала я. — Ты тоже выглядишь вполне достойно.

— Всего лишь достойно?

— Не испытывай удачу.

Он тихо рассмеялся и отошёл к окну, пока я ещё раз проверяла застёжку. Мы должны были давно спуститься во двор, но я поймала себя на том, что мне не хочется выходить. После дневного разговора с директором я всё яснее понимала: идти на бал с этим сном в голове будет трудно.

— Каэль, — позвала я.

Он обернулся сразу.

— Мне нужно тебе кое-что рассказать. До того, как мы выйдем.

Перчатка замерла у него в руках. Он посмотрел на меня внимательнее и без шуток ответил:

— Я слушаю.

Я присела на край кровати. Вспоминать сон оказалось неприятно — слова незнакомца звучали в памяти чересчур ясно, а всё остальное ускользало, словно пыталось спрятаться от моего взгляда.

— Ночью мне снился лес. Я стояла между деревьями и не могла сделать ни шага. Там был кто-то... Я не видела его лица. Только глаза, словно в них отражались звёзды. Он разговаривал со мной, знал моё имя. Говорил, что я должна что-то вспомнить.

Каэль сел в кресло напротив, предоставив мне время собраться с мыслями.

— Он назвался?

— Нет. Я спрашивала. Он уходил от ответов. А потом я заметила второго — далеко за его спиной. Тот даже не приблизился.

— Ты узнала кого-нибудь из них?

— Нет. И в этом самое странное. Мне казалось, что я обязана узнать первого. Как будто он действительно был знаком, только я не помню откуда.

Я кратко пересказала слова о времени и судьбе. На фразе «ты не просто фея» Каэль едва заметно выпрямился, но ничего не сказал. Может быть, мне это только показалось.

— Когда ты проснулась, что-нибудь осталось? — спросил он. — След магии? Ощущение чужого присутствия?

— Только память. И страх, который появился, когда я поняла, что не могу призвать свою силу.

Я помедлила.

— Сегодня директор сказал, что грань между мирами меняется. Не совсем так, конечно. Но он заговорил о снах, хотя я почти ничего ему не рассказала.

Каэль медленно провёл большим пальцем по краю перчатки.

— Это не обязательно связано.

— Знаю. Директор тоже не стал делать выводов. Но совпадений многовато.

— Может быть. — Он посмотрел мне в глаза. — Я не хочу ни обесценивать то, что ты почувствовала, ни убеждать тебя, будто нашёл объяснение. Так было бы нечестно.

— Ты говоришь так, словно оно у тебя есть.

Он помолчал.

— Есть догадки. И есть вещи, о которых я недостаточно знаю, чтобы ими пугать тебя.

— Ты всегда так отвечаешь.

— Потому что ты задаёшь вопросы, на которые у меня пока нет права отвечать уверенно.

Я вскинула голову.

— Нет права? Или нет желания?

Каэль сжал перчатку, потом разжал пальцы. Его лицо осталось спокойным, но я уже знала эту паузу: он выбирал между тем, что хотел сказать, и тем, что считал возможным.

— Мне важно, чтобы ты была в безопасности, — произнёс он наконец. — Если я назову тебе чужую догадку правдой, ты начнёшь искать её в каждом новом событии. Я не хочу, чтобы ты принимала решения из-за моей ошибки.

Это было разумно. Разумно до невозможности раздражающе.

— Когда-нибудь ты всё-таки расскажешь мне, чего недоговариваешь.

— Постараюсь сделать это прежде, чем ты устроишь мне допрос с применением магии.

— Отлично. Значит, у меня появится расписание.

Он улыбнулся — не пытаясь сменить тему, а словно принимая, что на этот раз я не собираюсь отпускать её совсем. Тень в дальнем углу шевельнулась.

— Как трогательно, — протянул Морвэн. — Я почти прослезился. Особенно на части про догадки, о которых нельзя говорить.

Из тёмного пятна у стены постепенно выступил человеческий силуэт. Короткие чёрные волосы, знакомый насмешливый взгляд, в котором порой мелькали крошечные звёздные искры. Он выглядел почти настоящим, если не смотреть на края его фигуры: те всё ещё растворялись в сумраке комнаты.

— Неужели нельзя появляться по приглашению? — спросила я.

— Можно. Когда-нибудь попробую. Сегодня не тот день.

Каэль даже не повернулся к нему.

— Мы разговариваем, Морвэн.

— Я заметил. Тебе удаётся произнести довольно много слов, не сообщая почти ничего. Впечатляющий талант.

— А ты, как всегда, решил прийти на помощь?

— Кто-то же должен следить, чтобы наша принцесса не утонула в недомолвках.

Я перевела взгляд с одного на другого. Они обменивались репликами с такой привычной лёгкостью, что незнакомый человек мог бы принять это за дружеское состязание. Но я давно научилась слышать разницу между их обычными подколами и теми моментами, когда под шуткой пряталось настоящее раздражение.

— Морвэн, — сказала я. — Ты слышал, о чём мы говорили?

Он перестал улыбаться.

— Кое-что.

— Мне снился странный лес.

— У тебя богатое воображение.

— Ты ведь ещё не слышал подробностей.

— Именно поэтому и не утверждаю ничего определённого.

Я вздохнула. Прекрасно. Кажется, оба моих спутника сегодня решили состязаться в осторожности.

— Я видела человека со звёздными глазами, — сказала я. — Он знал моё имя. Там был ещё кто-то, второй, вдалеке. И я не могла пользоваться магией.

Морвэн прислонился плечом к стене. Точнее, сделал вид, словно прислонился: за его плечом узор обоев оставался чуть заметен.

— И что ты хочешь от меня услышать?

— Что это могло значить.

— Могло — что угодно. Значило ли — неизвестно.

— Ты сейчас серьёзно?

— Неожиданно, да. — Он посмотрел на меня уже без улыбки. — Не позволяй чужому голосу распоряжаться твоими мыслями только потому, что он прозвучал убедительно. Даже во сне.

Я задумалась. Морвэн редко давал советы в такой форме. Обычно он сначала смеялся, потом говорил что-нибудь неприятно точное и лишь после этого признавался, что беспокоился.

— Ты напугалась? — спросил он тише.

Мне не понравилось, насколько просто он угадал.

— Немного.

— Тогда ладно. — Уголок его рта дрогнул. — Только не вздумай бояться ещё и меня. Я ревнив к чужим загадочным появлениям.

Каэль негромко выдохнул, будто собирался ответить, но передумал.

— Нам пора, — сказал он, взглянув на часы у двери. — Скоро начнутся приветственные речи.

— Вот именно. — Морвэн развёл руками. — Бал, музыка, красивые наряды. Какое счастье, что я не обязан общаться со всей этой толпой.

— Ты ведь всё равно пойдёшь, — заметила я.

— Разумеется. Неужели ты думаешь, я пропущу вечер, когда Каэль попытается не наступить тебе на подол?

— Вряд ли у него это получится хуже, чем у тебя.

— Откуда тебе знать? Ты ни разу не предложила мне танец.

Я встала и подошла к ним обоим.

— Всё. Один идёт со мной, второй — остаётся там, где его никто не заметит. И если вы снова начнёте соревноваться, кто сильнее меня опекает, я оставлю вас выяснять это вдвоём.

Морвэн театрально приложил ладонь к груди.

— Какая жестокость.

— Это не жестокость, — сказала я. — Это необходимость.

Каэль протянул мне руку, и я вложила пальцы в его ладонь.

— Готова?

Я посмотрела на дверь, за которой нарастал далёкий шум гостей. Сон, разговор с директором, два моих беспокойных защитника — всё это никуда не исчезло. Но сейчас я могла хотя бы выйти из комнаты.

— Готова. Только пообещай, что не заставишь меня выступать с речью.

— Договорились. Даже если очень попросят.

— А я буду наблюдать, — добавил Морвэн, и его силуэт рассыпался по стене. — Как и положено порядочной тени.

Последние слова прозвучали уже прямо у меня в голове. Я покачала головой, но невольно улыбнулась.

Вечерняя Велария не имела ничего общего с той Академией, по которой я бегала на занятия.

Во дворе горели сотни огоньков. Световые ленты, с которыми мы возились днём, теперь переливались под арками, а живые цветы медленно раскрывали лепестки в такт музыке. Вокруг фонтана вращались маленькие хрустальные сферы; внутри них плавало сияние, похожее на пойманные звёзды. Из заколдованных кристаллов струилась мелодия — негромкая у входа и всё более отчётливая по мере приближения к середине двора.

Я остановилась на ступенях.

— Ну как? — спросил Каэль.

— Словно кто-то подменил нашу Академию.

— Если это подмена, должен признать: у похитителей хороший вкус.

Откуда-то тянуло запахом ночных трав, цветов и выпечки. Дорожки, которые днём были завалены корзинами и строительными лестницами, теперь выглядели безупречно; только я знала, сколько студентов чуть не поссорились из-за того, на какой высоте повесить каждую гирлянду.

— И ты, кажется, приложила к этому руку, — заметил Каэль, подняв глаза на серебряную арку.

— Немного.

— «Немного» светится в половине двора.

Я улыбнулась. Приятно было увидеть работу законченной, особенно когда она не требовала больше ни одной поправки.

Люди уже собирались у центрального возвышения. Преподаватели стояли группами, рядом с ними переговаривались выпускники, которых я знала с первого курса. Незнакомые гости внимательно оглядывали украшения, кто-то фотографировал их магическими пластинами памяти. В дальнем конце двора раздался звонкий смех — я узнала Лиру раньше, чем увидела её среди толпы.

Каэль чуть приблизился, не выпуская моей руки.

— Что-то не так?

— Нет. Просто пытаюсь запомнить всё это. Завтра здесь снова будет обычный двор.

Он посмотрел на сияющие окна Академии.

— Возможно. Но никто не отнимет у тебя сегодняшний вечер.

Морвэн ничего не сказал. Я ощущала его где-то поблизости, как привычное присутствие на краю мыслей. Среди гостей он не показывался — и я была ему за это благодарна. Объяснять присутствие собственной тени на торжественном балу мне пока не хотелось. На помост поднялся директор. Разговоры стихали постепенно: сперва у ближних столов, затем у фонтана и наконец под дальними арками. Я увидела, как Рэдрик Строун поправил листы речи и, посмотрев на собравшихся, отложил их в сторону.

— Дорогие выпускники, наставники и гости, — начал он. — Сегодня мы отмечаем завершение учёбы. И, если вы ждёте, что я назову этот вечер концом пути, придётся вас разочаровать.

По толпе прошёл негромкий смешок.

— Несколько лет назад вы впервые переступили порог Веларии. Кто-то умел зажечь свечу, но не мог её потушить. Кто-то прекрасно знал теорию и забывал её при первой же практике. Некоторые, — он сделал короткую паузу, — всё ещё не вернули библиотеке книги, которые взяли на первом курсе.

Я услышала за спиной приглушённое покашливание и очень надеялась, что директор смотрел не в мою сторону.

Он обвёл двор взглядом, и на мгновение мне показалось, что обращается лично ко мне. Наверно, то же самое почувствовал каждый.

— Вы уйдёте отсюда разными дорогами. Но какую бы из них ни выбрали, не забывайте людей, рядом с которыми научились быть собой. Я горжусь вами. И желаю, чтобы однажды вы смогли сказать то же о собственных поступках.

Аплодисменты поднялись не сразу, зато прокатились по двору шумной волной. Я хлопала вместе со всеми и неожиданно почувствовала, как защипало глаза. Вчера на последнем собрании мне хотелось скорее закончить церемонии. Сейчас я вдруг поняла: больше не будет ни этого круга лиц, ни привычной рутины, ни возможности просто завтра прийти на занятие, потому что вчера не получилось разобраться в заклинании.

К директору подошла Ванэсса Борсен, куратор нашей группы. Обычно она умела одним взглядом заставить замолчать целую аудиторию. Сегодня её лицо было мягче, а в голосе слышалась неподдельная теплота.

— Рэдрик оставил мне самую трудную задачу, — сказала она. — Пожелать вам радости и при этом не начать читать ещё одну лекцию.

Несколько выпускников засмеялись.

— Я не стану перечислять все ваши достижения. Вы и сами знаете, сколько для них работали. Вместо этого попрошу об одном: сегодня не пытайтесь быть лучшими учениками. Побудьте просто молодыми людьми на празднике. Позвольте себе танцевать, смеяться, неловко говорить комплименты и не искать оценку за каждую улыбку.

Она взглянула туда, где стояли мы с Каэлем, а затем снова на весь двор.

— И помните, двери Веларии остаются открытыми для тех, кто однажды называл её домом.

Я сглотнула. Не представляла, как можно будет вернуться сюда и не почувствовать себя посторонней. Но теперь, по крайней мере, знала: меня будут рады увидеть. Музыка зазвучала громче. Гости потянулись к столам, преподаватели обменивались поздравлениями, а над фонтаном закружились световые огоньки — ровной спиралью, к явному торжеству одного из споривших днём студентов.

— Мираэль!

Я повернулась на голос и едва успела отступить, когда Ферас оказался прямо передо мной с двумя бокалами в руках. За ним шла Лира, уже улыбающаяся так, будто заранее знала, чем закончится этот разговор.

— Никогда бы не подумал, что ты приведёшь спутника! — заявил Ферас. — Каэль, моё почтение. Это действительно ты или иллюзия, которую она создала, чтобы от неё отстали?

— Вполне настоящий, — отозвался Каэль.

— Жаль. Мы с Лирой уже поспорили.

— На что? — спросила я.

— На то, выйдешь ли ты из комнаты вообще, — сказала Лира. — Я поставила на тебя. Не подведи меня до конца вечера.

— А ты, Ферас, снова пришёл один? — поинтересовалась я, принимая от него бокал.

— Один, зато свободен для всех танцев.

— Опасное обещание, — заметила Лира. — Мы помним, что было на первом курсе.

Он немедленно выпрямился.

— Это был не предмет мебели. Это был зачарованный гардероб, проявивший ко мне явный интерес!

— Он пытался вернуть тебя к выходу, — уточнила Лира.

— Потому что не выдержал моей грации.

Я рассмеялась так неожиданно для самой себя, что чуть не расплескала напиток. Ферас сделал оскорблённое лицо, но тут же подмигнул. В этом была вся наша Академия — место, где можно было пережить сложнейшее испытание по магии, а вечером спорить о том, кто и почему танцевал со шкафом. Мы задержались вместе ненадолго. Фераса действительно пригласили на танец, а Лира увела его прежде, чем он успел сообщить о своей готовности покорить весь двор. Я смотрела им вслед и думала, что буду скучать не только по стенам Веларии.

— Тебе идёт улыбка, — сказал Каэль, когда они скрылись среди гостей.

— Я улыбаюсь довольно часто.

— Знаю. Просто сегодня ты впервые не проверяешь, кто на тебя смотрит.

Я задумалась. Может быть, он был прав. Вокруг всё ещё находились люди, знавшие о моём происхождении, но сейчас никто не требовал от меня ни решений, ни обещаний. Даже слуги, проходившие между столами, не обращались ко мне по титулу.

— Чувствую себя странно, — призналась я. — Будто мне на несколько часов разрешили быть кем-то другим.

— А если просто собой?

Я не ответила. В этом вопросе было больше свободы, чем я привыкла себе позволять. Прошёл почти час. Танцующие сменяли друг друга, огни над фонтаном поднимались всё выше, а воздух становился прохладнее. Я наблюдала за парами, стоя у колонны, когда музыка перешла в более медленную мелодию. Каэль поставил пустой бокал на ближайший столик и повернулся ко мне.

— Раз уж ты ещё не сбежала, у меня есть предложение.

— Уже звучит подозрительно.

— Один танец.

Я взглянула на площадку, где пары собирались в широком круге.

— Ты уверен, что хочешь рисковать своей репутацией? Я давно не танцевала вне обязательных занятий.

— После встречи с Элизой твоя координация меня не пугает.

— Магическая дуэль и танцы — не одно и то же.

— Отлично. Значит, впервые за вечер тебе не придётся никого побеждать.

Он протянул руку ладонью вверх. Я могла отказаться. Каэль бы не обиделся, не спросил почему. Возможно, именно это и стало причиной, по которой я согласилась.

— Один танец, — предупредила я, вкладывая пальцы в его ладонь. — Потом я оставляю за собой право уйти за пирожными.

— Справедливые условия. Но если пирожные закончатся, ответственность за это на себя не беру.

Он повёл меня к другим танцующим. Музыка оказалась мягче, чем я ожидала; ритм не требовал поспевать за быстрыми поворотами, позволял прислушаться к шагам партнёра. Каэль держался уверенно, не торопил меня, и уже через несколько мгновений я перестала думать о том, куда поставить ногу.

— Ты весьма хорошо это делаешь, — сказала я.

— Буду считать комплиментом.

— Это обвинение. Ты явно скрывал от меня важную информацию.

— Моё знакомство с основами танца?

— Именно. Такие вещи друзья обязаны сообщать заранее.

Он улыбнулся.

— Что ж, запиши рядом с прочими тайнами. Обещаю дать подробные объяснения.

Я фыркнула, но продолжила двигаться вместе с ним. Его ладонь лежала у меня на спине поверх ткани, другая держала мою руку. Ничего необычного. Так танцевали десятки пар рядом с нами. И всё же я очень остро ощущала расстояние между нашими лицами, тепло его пальцев, то, как он каждый раз ждал моего движения, прежде чем сделать следующее.

В какой-то момент музыка стала громче, и Каэль мягко направил меня в поворот. Я вернулась к нему ближе, чем собиралась, почти задев плечом его грудь.

— Всё в порядке? — спросил он негромко.

— Да. Просто не ожидала.

Он не отступил, но и не удерживал меня сильнее, чем требовал танец. Я могла увеличить расстояние сама. Почему-то не захотела. Мы сделали ещё несколько шагов молча. Вокруг мелькали огни; за его плечом я видела арки, цветы, смеющихся студентов. Слишком знакомый двор вдруг превратился в место, где можно было на время забыть, что завтра мне придётся уехать.

— Знаешь, — сказал Каэль, — мне иногда кажется, что ты весьма старательно отводишь мне одну роль.

— Какую?

— Удобного спутника. Того, кто приходит, когда нужно, а потом исчезает, пока снова не понадобится.

Я подняла на него взгляд.

— Разве я когда-нибудь просила тебя исчезнуть?

— Нет. — Он покачал головой. — И я не жалею. Просто хотел, чтобы ты знала: я здесь не только потому, что должен.

Его голос звучал спокойно, без привычной шутливой интонации. Я вдруг почувствовала себя неловко, будто пропустила очевидное замечание в давно знакомой книге.

— Каэль...

— Не нужно отвечать сейчас, — сказал он. — Я не пришёл на бал требовать признаний. Для начала мне вполне достаточно танца.

Я попыталась улыбнуться.

— Для человека, который ничего не требует, ты весьма уверенно выбираешь момент.

— Боюсь, я долго репетировал.

— Тогда репетиция удалась.

Он рассмеялся, и напряжение немного отступило. Но сказанное никуда не исчезло. Я всегда знала, что он мне дорог. Только до этой минуты старалась не уточнять, в каком именно смысле. От неопределённости было проще прятаться за дружбу, за общие испытания, за привычное «он просто рядом». Музыка подходила к концу. Каэль наклонился ближе, чтобы его слова не потерялись среди последних аккордов.

— И всё-таки я рад, что сегодня ты пошла со мной.

— Я тоже.

Это был честный ответ. Он, кажется, понял. Мы сделали последний поворот, остановились вместе с остальными парами и отступили друг от друга. Мне всё ещё было тепло, хотя прохладный вечерний воздух проникал под арки. Я уже собиралась пошутить про обещанные пирожные, когда увидела, как огни за плечом Каэля дрогнули. Точнее — дрогнул весь мир. Сначала исчез звук.

Музыка продолжала играть — я видела, как музыканты двигают руками, как смеётся кто-то у фонтана, как шевелятся губы Каэля, — но ничего не слышала. Потом серебряные ленты под арками вытянулись в бледные полосы, и двор распался на смазанные пятна света. Вместо каменной дорожки под ногами оказалась тёмная земля.

Лес.

Тот же тяжёлый запах сырости. Те же неподвижные деревья. Только теперь их кроны будто сочились чернотой, которая стекала по стволам, не касаясь земли. Я стояла на краю тропы и видела впереди женскую фигуру. Она была похожа на меня.

Нет — не просто похожа. Та же осанка, те же тёмные волосы. Но в каждом движении незнакомки чувствовалась усталость, которую невозможно было объяснить одной бессонной ночью. Она казалась старше. Одинокой. Даже стоя к ней спиной, я почему-то знала: если она обернётся, мне не понравится то, что я увижу.

Я хотела окликнуть её, но губы не слушались. Где-то за деревьями возник тёмный силуэт. Он стоял напротив неё — или напротив меня? Расстояние сжималось, и я уже не могла понять, сколько между нами шагов. Знакомое чувство из сна вернулось, усиленное во много раз: меня словно звали туда, где не осталось места для выбора. «Ты приближаешься к черте, после которой пути назад не будет».

Голос прозвучал глухо, искажённо, словно доносился сквозь толстую стену льда.

— Кто здесь? — попыталась спросить я.

На этот раз мне удалось издать звук — слишком тихий, чтобы его кто-нибудь услышал. Женская фигура начала поворачиваться. Я зажмурилась.

— Мираэль!

Звуки вернулись разом: музыка, звон бокалов, шорох ткани, чья-то громкая радостная речь. Я снова стояла во дворе Веларии, только Каэль теперь крепко придерживал меня под локоть.

— Посмотри на меня, — попросил он.

Я подняла голову. За его плечом медленно вращались огни над фонтаном. Всё было на своих местах. Ничего не исчезло.

— Ты побледнела. Что произошло?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы снова почувствовать собственные ноги. Я посмотрела на руку, которой цеплялась за его рукав, и заставила пальцы разжаться.

— Не здесь, — выговорила я. — Пожалуйста. Давай уйдём куда-нибудь, где меньше людей.

Он не стал расспрашивать. Только кивнул и предложил мне руку. Мы вышли из танцующего круга. Я чувствовала на себе несколько любопытных взглядов — возможно, потому что едва не упала прямо посреди бала. Каэль шёл рядом, достаточно близко, чтобы подхватить меня, если снова потеряю равновесие, но не пытался решать за меня, как быстро двигаться. За фонтаном начиналась аллея, ведущая к колоннаде. Здесь музыку уже приглушали деревья, и воздух пах влажными листьями. Между арками мерцали редкие светильники; вдали ещё можно было увидеть гостей, но их голоса сливались в неразборчивый шум.

Я остановилась у невысокого каменного бортика и оперлась о него ладонями.

— Это снова был лес, — сказала я.

Каэль встал напротив. В слабом свете его глаза казались светлее обычного, почти прозрачными.

— Тот, о котором ты рассказала мне днём?

Я кивнула.

— Только теперь я не спала. На секунду всё вокруг исчезло. Там была... я сама. По крайней мере, мне так показалось. Старше. Как будто у неё отняли всё, что она любила.

Я услышала собственные слова и поморщилась. Они звучали чрезвычайно уверенно. Я ведь даже не видела её лица.

— Или мне просто хотелось так думать, — добавила я. — Я не знаю. Я ничего толком не знаю.

— Что ещё ты заметила?

— Тень среди деревьев. Голос. Он сказал, что я приближаюсь к черте, после которой нельзя вернуться назад.

Каэль долго молчал.

— Раньше с тобой бывало что-то подобное? — спросил он наконец.

— Сны — да. Ощущения, которым не могла найти объяснения, — тоже. Но чтобы наяву, посреди толпы... Нет.

Я отвернулась к тёмной аллее.

— Ты сейчас скажешь, что это усталость?

— Я собирался спросить, сколько ты сегодня ела и спала. Это было бы разумно. Но, судя по твоему лицу, ты сочтёшь меня последним невеждой, если я на этом остановлюсь.

Я невольно фыркнула.

— Я ела. И спала. Не особенно хорошо, но достаточно, чтобы не придумывать себе целый лес посреди бала.

— Тогда я тебя услышал.

Он произнёс это так просто, что мне сразу стало легче. Мне не требовалось, чтобы он верил в пророчества. Только чтобы не пытался немедленно объяснить то, чего сам не видел.

— Есть ещё Морвэн, — сказала я.

Каэль оглядел пустующую аллею.

— Ты хочешь поговорить с ним?

Я не ответила вслух. Мысленно произнесла знакомое имя.

«Морвэн?»

Ответ пришёл почти сразу. «Я здесь». Голос прозвучал негромко, у самого края сознания. Привычное присутствие легло на мысли, как тень от дерева на освещённую дорожку. «Ты почувствовал это?» — спросила я. Он не ответил сразу. «Твоё состояние — да. Остальное мне не так ясно, как тебе хотелось бы». «Был лес. Там стояла женщина, очень похожая на меня».

«Я слышал». Я нахмурилась. Значит, он наблюдал достаточно внимательно, чтобы уловить наш разговор. Может быть, и видел, как я едва не упала. Тогда почему не вмешался? «Ты ведь мог сказать хоть что-нибудь раньше». «Что именно? Что тебе стоит остерегаться незнакомых голосов? Я уже говорил». «Мне страшно, Морвэн». После этих слов наступила тишина. Непривычно долгая для него.

«Сейчас тебе страшно, — отозвался он наконец. — И ты опять пытаешься превратить это в задачу, которую можно решить правильно. Перестань хотя бы на пять минут». Я опустила голову. Грубо. Раздражающе. И всё же лучше очередной загадки. Каэль внимательно смотрел на меня.

— Он рядом?

— Да.

— Хорошо. — Каэль оглянулся туда, где среди колонн уже собирались отдельные пары гостей. — Может, отойдём чуть дальше? Здесь скоро будет многолюдно.

Мы двинулись вдоль аллеи. Под арками стало темнее, и я заметила, как у самого основания одной из колонн тень вытянулась в тонкий контур. Со стороны это выглядело бы обычной игрой ночного освещения. Я знала, кто там стоит. Морвэн оставался тенью. Он не принимал человеческого облика на глазах у гостей — и никогда не делал этого без необходимости.

— Предлагаю честный выбор, — сказал Каэль, когда мы остановились у поворота к саду. — Я могу проводить тебя в комнату. Могу побыть с тобой здесь. Или оставлю вас с Морвэном, если тебе нужно поговорить с ним наедине.

Я посмотрела на него, затем на тёмную колонну. Странно, но именно теперь мне стало не по себе из-за этого выбора. Оба пришли. Оба беспокоились по-своему. И я боялась обидеть одного, попросив остаться другого. «Не делай из этого трагедию», — заметил Морвэн у меня в голове. Я едва заметно закатила глаза.

«Ты даже сейчас не можешь промолчать?»

«Могу. Но тогда ты решишь, что со мной что-то случилось». Я почти улыбнулась.

— Морвэн, — сказала я уже вслух, очень тихо, чтобы нас не услышали проходящие вдали гости. — Побудь здесь. Я хочу немного пройтись с Каэлем. Потом вернусь.

В темноте у колонны едва заметно шевельнулся контур. «Не торопись. Только не забудь, что завтра ты собиралась уехать из Академии, а не заснуть прямо в саду».

— Я помню.

Каэль чуть склонил голову в сторону колонны.

— Я провожу её.

«На этот раз я даже не стану спрашивать, почему ты так уверен в своих способностях», — ответил Морвэн только мне. Я сдержала смех и повернулась к аллее.

Мы шли медленно, никуда не спеша. Под ногами шуршали листья, а между ветвями открывались узкие полосы ночного неба. Луна висела над башнями Академии, и мне вдруг подумалось, что через несколько дней я уже не увижу её отсюда.

— Ты заметил, как я испугалась, ещё до того, как у меня подкосились ноги? — спросила я.

— Тебя довольно трудно не заметить, когда ты замолкаешь посреди предложения.

— Я молчу часто.

— Не так. Ты смотришь на человека, даже когда думаешь о своём. А тогда твой взгляд прошёл сквозь меня.

Я невольно замедлила шаг.

— Именно так и было. Я перестала видеть бал. На мгновение всё стало другим.

— Теперь я понимаю, почему ты попросила уйти.

Между нами повисло молчание. Оно не было неловким; после разговора с Морвэном мне даже хотелось ненадолго остаться без вопросов. Я провела пальцами по холодному камню ограды. Сад тянулся до самой стены Академии, и на дорожках уже почти никого не было. Издали доносились последние отголоски праздника — чужая радость, не знавшая о том, что произошло со мной у танцевального круга.

— Знаешь, что хуже всего? — спросила я. — До сегодняшнего дня меня пугало возвращение домой. Я переживала, как увижу родителей, что скажу отцу, смогу ли вновь жить по правилам двора. Теперь это кажется чем-то простым. С чем я хотя бы понимаю, как справляться.

Каэль остановился вместе со мной.

— А с остальным пока не понимаешь.

— Да. Мне страшно, что однажды появится что-то, к чему я не подготовилась. И все мои знания окажутся бесполезны.

Он не стал немедленно напоминать мне, что я сильная. За это я была ему благодарна. Я сама знала, сколько училась и через что прошла. Но сейчас знание не превращалось в уверенность.

— Когда мы впервые отправились в путешествие вместе, — сказал он спустя некоторое время, — ты потратила половину дороги, пытаюсь рассчитать всё заранее. Где остановимся, кто может встретиться на пути, что будем делать, если портал сработает не так.

Я посмотрела на него с подозрением.

— И что же в этом плохого?

— Ничего. Пока внезапный дождь не заставил нас свернуть с выбранного маршрута, и ты не решила, что провалила подготовку.

Я вспомнила тот день. Мы стояли под скальным выступом, промокшие насквозь, а Каэль отчаянно пытался развести огонь из дерева, которое было мокрым даже внутри. Тогда я впервые рассмеялась после нескольких часов раздражения.

— Ты собираешься напомнить мне про свои попытки разжечь костёр?

— Скорее про то, что мы всё-таки добрались до места. Хотя ни один из твоих планов не предусматривал дождь.

Я покачала головой.

— Ты ужасно доволен собой.

— Только когда удаётся доказать свою правоту без магической дуэли.

Мы улыбнулись друг другу. Потом он продолжил уже серьезнее:

— Я не знаю, что ты увидела. Не знаю, повторится ли это. Но могу обещать одно: если повторится, тебе не придётся сначала придумывать убедительное объяснение, прежде чем прийти ко мне.

Я отвернулась, потому что от этих слов в горле вдруг образовался нелепый ком.

— Даже если я опять потребую ответов, которых у тебя нет?

— Особенно тогда. Когда ответы появятся, я не стану прятать их за красивыми фразами.

Мне хотелось поверить. Я и верила — настолько, насколько позволяла себе верить людям, чьи собственные тайны были гораздо старше нашего знакомства.

— Спасибо, Каэль.

— За что?

— За то, что не говоришь мне перестать бояться.

Он взглянул на меня спокойно.

— Я не собираюсь убеждать тебя, что бояться глупо. Если тебе страшно, значит, есть причина. Остальное будем выяснять по мере появления причин, а не заранее.

— Это комплимент?

— У тебя сегодня неожиданно строгие требования к комплиментам.

— Просто стараюсь отличать их от твоих попыток меня воспитывать.

Мы дошли до выхода из сада и свернули к жилому крылу. Бал ещё продолжался, но я больше не хотела возвращаться. Не сегодня. Мне хотелось тишины и нескольких часов сна, в которых не было бы ни голосов, ни загадочных лесов. У моей двери Каэль остановился.

— Ты уверена, что сможешь отдохнуть?

— Постараюсь. А если не получится, буду считать, что получила дополнительное время на сборы.

— Только не начинай перебирать книги посреди ночи.

— Ты говоришь как Морвэн.

— Тогда я, пожалуй, воздержусь от дальнейших советов.

Я коснулась ручки двери, но прежде чем открыть её, ещё раз посмотрела на Каэля.

— Мне было хорошо с тобой сегодня. До всего этого.

— Мне тоже, — сказал он. — И я не думаю, что случившееся отнимет у нас ту часть вечера.

Он улыбнулся, чуть устало, но по-настоящему тепло.

— Спокойной ночи, Мираэль. Завтра увидимся перед отъездом.

— Спокойной ночи.

Я вошла и тихо закрыла за собой дверь.

В комнате пахло погасшими свечами и прохладой, тянувшейся от окна. Я зажгла маленький светильник у кровати и на минуту замерла посреди знакомых вещей. Одежда для дороги была приготовлена, бумаги сложены, книги распределены между дорожными сумками. Ещё совсем недавно я считала эти хлопоты главным источником своего беспокойства.

Теперь они казались удивительно понятными. Я подошла к окну. Внизу, за крышами младших корпусов, ещё сверкал двор. С этой высоты огни были похожи на рассыпанные по камню звёзды. Музыка почти не доносилась сюда, но иногда её подхватывал ветер, и я узнавала мелодию, под которую мы танцевали с Каэлем. Я улыбнулась этому воспоминанию — осторожно, будто боялась спугнуть его следующим. Затем подумала о лесе и нахмурилась.

Что, если он повторится? Что, если завтра, когда я вернусь в Эрэбию, мне снова покажется, словно я видела человека, которого не знаю, и место, которого не помню? Я не могла ответить. Но директор был прав хотя бы в одном: незнание не делает догадку истиной. Мне придётся учиться жить с вопросами, не превращая каждый из них в приговор.

Я сняла украшения, убрала вечерний наряд и переоделась для сна. На туалетном столике лежала небольшая стопка писем от родителей. Я взяла верхнее, пробежала взглядом знакомые строчки — аккуратный почерк матери, приписка отца на полях, несколько простых слов о том, что они ждут моего возвращения. Мы не виделись много лет. Я привыкла отвечать на письма, узнавать о домашних событиях из чужих пересказов, представлять, как меняются комнаты во дворце и голоса людей, которых я люблю. Иногда мне казалось, что я знаю Эрэбию лучше по воспоминаниям, чем по тому, какой она стала без меня.

Я скучала по матери. По тому, как она умела обнимать меня без единого вопроса, даже если весь день требовала соблюдения этикета. По отцу, который мог часами рассказывать истории о прошлом, а потом внезапно вспоминал, что наследнице давно пора спать. В Академии мне позволяли ошибаться как студентке. Дома мои ошибки станут поступками принцессы. Я знала, что родители любят меня, но не знала, сумеем ли мы снова разговаривать просто как семья, без постоянной оглядки на долг.

Я осторожно сложила письмо и вернула его на место.

— Как же я по вам соскучилась, — произнесла я в тишину.

Тень от светильника дрогнула на стене. Я посмотрела туда, ожидая насмешливого замечания Морвэна, но он не появился. Возможно, давал мне побыть одной. Сегодня я была ему за это благодарна. Я легла, натянула одеяло до плеч и закрыла глаза. Мне вспомнились заснеженные дорожки Веларии, Лана с её нескончаемыми вопросами, Ферас, защищающий честь зачарованного гардероба, тёплая рука Каэля и незнакомый лес, в котором у меня отняли возможность сделать шаг.

Я перевернулась на бок, устроила подушку удобнее и стала прислушиваться к затихающим голосам за окном. Постепенно они растворились в ночной тишине. Перед тем как уснуть, я вспомнила слова незнакомца: «Ты не забыла?» Ответа у меня по-прежнему не было. Но на этот раз я позволила вопросу остаться без ответа до утра.

ГЛАВА 3

Дом, родимый дом

Утром Академия выглядела так, словно не собиралась никого отпускать.

Вчерашние огни уже погасли, гирлянды сняли с арок, а возле фонтана двое младших учеников спорили, кому достанется последний ящик с праздничными украшениями. Велария возвращалась к привычному распорядку: кто-то торопился на занятия, кто-то повторял заклинания прямо на ходу, кто-то пытался пронести завтрак в библиотеку, хотя это было запрещено с незапамятных времён.

Я стояла у окна и смотрела, как жизнь, частью которой я была столько лет, продолжается без меня.

С дорожной сумкой у двери всё обстояло проще: она давно была собрана. С остальными вещами — тоже. Самая сложная часть отъезда не помещалась ни в одну сумку. Она была рассыпана по комнате: в заметках на полях учебников, в царапине на подоконнике, оставленной Ланой во время неудачного опыта, в потускневшей ленточке на спинке кресла. Я не помнила, когда в последний раз обращала внимание на эти мелочи. Сейчас они будто требовали, чтобы я запомнила каждую.

Я проверила застёжку сумки в третий раз.

— Если ты продолжишь её открывать, вещи решат, что их не отпускают, и вернутся в шкаф, — раздалось от двери.

Лана не стала дожидаться приглашения. Вошла, оглядела пустующую комнату и остановилась посередине, словно хотела возмутиться самому факту происходящего. Рыжие волосы были собраны небрежно, из причёски уже выбилось несколько прядей. Видимо, она торопилась ко мне с самого утра.

— Я проверяю, ничего ли не забыла.

— Ты забыла меня, — объявила она.

— Ты не поместилась бы в ручную кладь.

— Могла бы стать очень маленькой. Меня учили трансформации.

Я улыбнулась и тут же почувствовала, как эта улыбка даётся тяжелее обычного. Лана заметила. Конечно, заметила. Мы слишком долго прожили бок о бок, чтобы она не отличала моё спокойствие от попытки изобразить его.

— Ты правда уезжаешь, — сказала она уже без шуток.

— Похоже на то.

Она прошла к окну, коснулась пальцем царапины на раме и тихо фыркнула.

— Помнишь, как я пыталась сделать так, чтобы на окнах сами раскрывались цветы?

— Помню, как директор неделю выяснял, почему стекло у нас цветёт, а рама пытается расти.

— Это был перспективный опыт.

— Особенно когда окно перестало закрываться.

Лана рассмеялась, но вскоре замолчала. Она смотрела на улицу, где очередная группа студентов проходила мимо фонтана, и крепко сцепила пальцы.

— Я думала, у нас будет больше времени, — призналась она. — Мы всё откладывали: пойдём туда после экзаменов, сделаем это после практики, однажды обязательно выберемся за горы... А теперь ты стоишь с сумкой, и мне нечего тебе сказать, кроме какой-нибудь ужасной прощальной речи.

Я подошла к ней.

— Тогда не произноси речь.

— Серьёзно? А я подготовила три варианта. Один очень трогательный, другой торжественный, а третий начинается со слов «эта бессердечная принцесса покидает нас».

— Третий, пожалуй, оставь на случай моего возвращения.

Она резко повернулась ко мне.

— Ты вернёшься?

Вопрос прозвучал проще, чем я ожидала. И оттого больнее. В Эрэбии меня ждали родители, двор, обязанности, о которых я знала почти исключительно из писем. Я не могла обещать, что через месяц пройду через ворота Академии, как раньше. Не могла обещать даже, что у меня будет право уехать, когда захочется.

— Я постараюсь, — ответила я. — Не знаю когда. Но я не хочу, чтобы это было нашим последним разговором.

— Не последним, — повторила Лана, словно проверяла, можно ли на этом настоять. — Я ведь остаюсь здесь. Представляешь? Сначала преподавательские курсы, потом, скорее всего, собственная группа. Скоро я стану тем самым человеком, который запрещает студентам приносить в комнату зачарованных лягушек.

— И сам тайком приносит их?

— Знания требуют жертв.

Она обняла меня первой. Крепко, без попытки сделать прощание изящным. Я обхватила её за плечи и на несколько мгновений позволила себе не быть ни наследницей, ни лучшей ученицей, ни человеком, от которого все ждут выдержки. Просто подругой, которой не хочется уходить.

— Напиши, когда доберёшься, — сказала Лана куда-то мне в волосы.

— Напишу.

— И не вздумай в письмах отрываться фразой «всё хорошо». Я тебя знаю.

— А ты не присылай мне отчёты о своих педагогических победах на двадцать страниц.

— Пятнадцать? Договорились.

Мы отстранились почти одновременно. Лана вытерла уголок глаза рукавом и сделала вид, будто поправляет причёску. У дверей нас ждал отъезд. И сколько бы мы ни спорили о письмах, он от этого не становился дальше.

В коридорах былолюдно. Выпускники переговаривались, передавали друг другу записки с адресами, обещали встречаться чаще, чем позволят дороги и служба. Я успела обнять Фераса, который заявил, что всегда знал: настоящие героические поступки начинаются с умения вовремя закончить учёбу. Лира попросила прислать ей зарисовки редких растений Эрэбии. Остальные говорили что-то похожее — добрые, неловкие слова, которые в тот день значили больше любых торжественных обещаний.

Возле главной лестницы я встретила мастера Вейланда. Он держал руки за спиной и выглядел так, словно просто оказался здесь по пути на очередное занятие.

— Значит, уезжаешь, — заметил он.

— Да, наставник.

— Экзамен ты выдержала. Теперь посмотрим, чему научилась за пределами экзаменационного круга.

Я ожидала очередного замечания о чрезмерной поспешности. Вместо этого он протянул мне маленький футляр. Внутри лежал простой металлический зажим для свитков, украшенный едва различимой руной удержания.

— Чтобы бумаги не разлетались, — сказал он, словно предмет не стоил внимания. — У тебя с этим вечно беда.

— Это было один раз.

— Я насчитал четыре.

Я закрыла футляр и крепче сжала его в ладони.

— Спасибо.

— И ещё. Когда всё пойдёт не по плану, не путай поспешность с решительностью. Ты умеешь видеть выход там, где остальные уже опускают руки. Не позволяй страху заставлять тебя выбирать первый попавшийся.

Он слегка наклонил голову, обозначая конец разговора, и двинулся дальше. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Подарок оказался совсем небольшим. Но сейчас мне было важно, что хотя бы один человек не пытался предсказать всю мою жизнь после выпуска. Он просто напомнил, чему меня научил.

Зал перемещений находился в нижней части западной башни. Через его высокие окна падали полосы утреннего света. В центре, внутри серебряного круга, уже раскрывался портал; заклинание поддерживали несколько магов, чтобы выпускники могли добраться до своих миров без долгих пересадок между переходами.

Остальные уходили по одному. Свет вспыхивал, на мгновение отражался на стенах и гас, оставляя после себя лёгкий запах грозы. Я подошла к краю круга и остановилась.

— Ты смотришь на него так, будто он может передумать и отправить тебя обратно на выпускной бал.

Каэль стоял у колонны, чуть в стороне от очереди. Сегодня на нём не было парадных украшений Хранителей; только привычный тёмный костюм с серебряным знаком у ворот. После вчерашнего разговора я ожидала увидеть его, но всё равно испытала облегчение.

— Я бы не возражала против ещё одного дня, — призналась я.

— В Академии?

— Без необходимости прощаться с каждым камнем в Академии.

Он подошёл ближе. Из окна на его серебристые волосы легла полоска света; она тут же исчезла, когда Каэль встал рядом со мной.

— Лана проводила тебя?

— Составила список будущих писем. Думаю, к зиме у нас накопится небольшая библиотека.

— Тогда у меня есть конкуренция.

— Тебе придётся писать интереснее.

Каэль рассмеялся. Потом посмотрел на портал и спросил тише:

— Ты готова?

Мне хотелось дать привычный ответ. Тот самый, который вчера слышали директор, Лана и, кажется, половина Веларии. Но сегодня я устала быть человеком, который всегда готов.

— Нет. Я хочу домой и боюсь домой возвращаться. Звучит нелепо, правда?

— Звучит как две вещи, которые вполне могут существовать одновременно.

— В Академии я хотя бы знала, какой день будет завтра. Лекции, упражнения, споры, экзамены. В Эрэбии я понятия не имею, что меня ждёт. Возможно, меня уже расписали по часам до следующего года.

— Скорее всего, — серьёзно согласился он.

— Каэль.

— Прости. Не удержался. — Его улыбка смягчилась. — Там будут люди, которых ты любишь. И правила, которые тебе не всегда понравятся. Не обязательно решать всё в тот миг, когда выйдешь из портала.

Я посмотрела на линии серебряного круга.

— А если я изменюсь настолько, что они не узнают меня?

— Люди меняются, Мираэль. Ты же не ждёшь, что родители остались точно такими, какими были в день твоего отъезда.

Мне не пришло в голову, что я действительно ждала именно этого. Прежде чем я успела ответить, по внутренней стороне моей тени пробежал знакомый холодок. «Если они не узнают тебя, можешь назвать своё имя. Обычно помогает», — произнёс Морвэн прямо у меня в голове. Я чуть не рассмеялась.

«Это ты сейчас меня утешаешь?»

«Пока Каэль занимается высокой философией, кто-то должен предлагать практические решения». «Спасибо. Искренне тронута». Тёмное пятно у моего каблука дрогнуло и вернулось на место. Морвэн не появился: в зале слишком много людей, а лишние взгляды ему были ни к чему. В последнее время он и сам предпочитал держаться незаметно среди посторонних.

— О чём ты думаешь? — спросил Каэль.

— О том, что кое-кто из моих спутников совершенно не умеет выбирать момент для шуток.

Он понял без объяснений.

— Значит, Морвэн тоже здесь.

«Я польщён, что он замечает моё отсутствие», — отозвалась тень. Я не стала передавать эту реплику. У них было достаточно поводов спорить без моего участия. Маг у круга назвал моё имя. Очередь почти закончилась. Каэль легко коснулся моего плеча.

— Мы ещё увидимся, — сказал он. — И я всё ещё доступен, если понадобится человек, способный выслушать недовольство дворцовыми расписаниями.

— То есть добровольно подписываешься на долгую и неблагодарную службу?

— Я обдумываю условия.

Я сделала шаг к порталу, но обернулась.

— Спасибо, что пришёл.

— Я обещал.

На этот раз мне не захотелось спрашивать, что именно скрывается за его спокойствием. Я просто запомнила, как он стоял у колонны: с лёгкой улыбкой, уже без попытки убедить меня, что впереди не будет ничего страшного. Я вступила в круг. Свет сомкнулся вокруг, и пол ушёл из-под ног.

Переход всегда ощущался иначе, чем его описывали в учебниках. Там говорилось о пространственной складке, удерживающем контуре и точке выхода. На деле всё начиналось с короткого провала в тишину, когда на долю мгновения забываешь, где находится твоё тело. Потом мир возвращался. Сначала — холодный воздух. Затем камень под подошвами. И запах. Ночные цветы Эрэбии пахли терпко, с едва заметной горечью. В Веларии я могла встретить похожие растения в оранжереях, но ни одна оранжерея не умела воспроизводить эту особую смесь влажного сада, старого камня и далёкого дождя. Я узнала её раньше, чем открыла глаза.

Дом. Я стояла на площадке переходов у дворца. Над башнями раскинулось тёмное небо, по которому плыли серебряные облака. Здесь не наступало обычного утра. Эрэбия жила под долгой, почти вечной ночью; время выдавали смена оттенков луны, ритм дворцовых часов и

привычки тех, кто родился под этим небом. Я подняла голову. Огни в высоких окнах отражались на чёрных крышах, и на мгновение мне стало восемь лет: я снова мечтала взобраться на самую высокую башню, а мать безуспешно объясняла, почему это плохая идея.

— Мираэль.

Я узнала голос, прежде чем повернулась.

Мать стояла в нескольких шагах от выхода из портала. На ней было официальное платье с серебряной отделкой, волосы уложены так аккуратно, что ни одна прядь не выбивалась из причёски. При дворе это называли безупречным видом королевы. Я знала: ей приходилось выдерживать в таком виде долгие часы приёмов и советов.

Я успела сделать только шаг. Она сама преодолела оставшееся расстояние.

— Ты приехала, — сказала она, обнимая меня.

От неё пахло знакомыми травами и лёгкими духами, которые я помнила с детства. Несколько секунд я не могла произнести ни слова. Мы столько раз представляли эту встречу в письмах, что настоящие объятия показались почти невероятными.

— Мама.

Её руки сжались крепче.

— Дай на тебя посмотреть.

Она отстранилась, задержала ладони у меня на плечах и улыбнулась. Но взгляд задержался на моём лице чуть дольше обычного. Я заметила усталость у её глаз — прежде там не было такой глубокой тени.

— Как дорога? Хорошо прошёл переход? — спросила она.

— Всё хорошо. Я не успела даже испугаться.

— А учёба? Тебе ведь только вчера вручали свидетельство.

— Позавчера было испытание, вчера — бал. Да, всё прошло благополучно.

Она посмотрела на меня с гордостью, и я почти услышала её привычное: «Я знала, что ты справишься». Вместо этого мать сказала:

— Ты стала старше.

— Так обычно бывает, когда мы долго не видимся.

Улыбка появилась и исчезла.

— Да. Конечно.

Рядом почтительно остановились слуги, готовые забрать мои вещи. Мать отпустила плечи и выпрямилась. Принцесса вернулась, и двор немедленно напомнил об этом множестве взглядов.

— Отец ждёт нас в тронном зале, — сообщила она. — Но сначала отдохни с дороги, переоденься. Сегодня я не хочу заставлять тебя участвовать в бесконечных приветствиях.

— Подозреваю, завтра мне за сегодня отомстят.

— Завтра будет отдельный разговор, — ответила мать очень быстро.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Что случилось?

Она коснулась моей щеки.

— Ничего такого, что мы обязаны обсуждать на площадке переходов. Иди в свою комнату. У нас ещё будет время поговорить.

Я позволила слугам унести сумки. Мать пошла рядом со мной до внутренней галереи, затем остановилась: её уже ждал один из придворных с запечатанными бумагами. Она извинилась, тихо поцеловала меня в висок и вернулась к обязанностям. Я долго смотрела ей вслед. За несколько минут до этого я мечтала обнять её и забыть обо всём остальном. Теперь обняла — и поняла, сколько всего между нами ещё не сказано.

Дворец помнил меня лучше, чем я помнила его.

Я прошла по коридору с чёрными колоннами, мимо ниш, где светились кристаллические светильники, и узнала каждую развилку. Здесь, возле старой галереи, я когда-то пыталась спрятаться от уроков этикета. За дальней аркой находилась библиотека отца. А если свернуть налево и пройти ещё один лестничный пролёт, можно выйти на террасу с видом на сады.

Я автоматически ускорила шаг, но сопровождавший меня дворецкий негромко кашлянул.

— Ваше высочество, ваши покои в другой стороне.

Конечно. Даже память о доме не отменяла необходимости следовать маршруту, назначенному кем-то ещё.

— Я помню дорогу, — сказала я.

Он почтительно склонил голову. Вряд ли поверил.

Двери моей комнаты открылись почти бесшумно. Внутри всё оказалось на удивление знакомым: та же кровать у дальней стены, письменный стол возле окна, шкафы с тёмными резными дверцами, книги в порядке, который когда-то навела я сама. На полке стоял маленький каменный зверёк с отколотым ухом — первая попытка создать фамильяра из обычного камня. Он, разумеется, так и не ожил, зато исправно служил украшением.

Я подошла к нему и провела большим пальцем по сколу.

— Ну здравствуй, — прошептала я.

— Мы приготовили одежду для встречи с их величествами, — сообщил дворецкий, дожидавшийся у порога. — Если пожелаете, позовём служанок.

— Благодарю. Я справлюсь сама.

Он на миг замешкался, словно такого ответа не ожидал, затем поклонился и ушёл. Я закрыла дверь и впервые за весь день осталась одна. Именно в этот момент тишина стала неловой.

На кровати лежали дорожные перчатки. На кресле — аккуратно разложенное платье, выбранное без меня. Я сняла академическую мантию, развесила её на спинке широкой деревянной вешалки и посмотрела в зеркало. В Веларии я носила форму не ради красоты и не ради статуса. Она означала принадлежность к месту, где мои успехи и ошибки были моими собственными.

Здесь даже платье могло оказаться заявлением.

Я взяла приготовленный наряд. Он был прекрасен, это стоило признать: строгий силуэт, отделка, которую при дворе сочли бы уместной, ничего лишнего. Но мне вдруг захотелось выбрать хоть что-нибудь самостоятельно. Я открыла шкаф, нашла более простой вариант и долго сравнивала два платья, будто речь шла о важном государственном решении.

— Если будешь выбирать ещё час, король решит, что тебя похитил собственный гардероб, — заметил Морвэн из тени возле шкафа.

— Он слишком велик, чтобы в нём помещался только один человек, — согласилась я. — Возможно, тебя там тоже можно запереть.

— Впечатляющая благодарность за мою поддержку во время переезда.

Он не вышел на свет. Лишь очертания лица проступили в затемнённом зеркале, и я на секунду увидела короткие тёмные волосы и глаза, в которых мерцало что-то похожее на далёкие звёзды.

— Выбирай то, в чём сможешь дышать, — сказал он уже спокойнее. — Если королевству требуется от тебя другое, проблема не в платье.

— Вот уж не думала, что стану слушать твои советы по нарядам.

— Не привыкай. В следующий раз я могу предложить доспехи.

Я оставила официальное платье на кресле и взяла другое, более удобное, сохранив достойный придворный вид. Когда я закончила, Морвэн уже растворился в тени. Но его короткий совет неожиданно помог: по крайней мере, в тронный зал я собиралась идти в одежде, выбранной собственноручно.

На пути к парадным залам я сбилась с шага у узкого поворота галереи. Навстречу шёл незнакомый мужчина; мы заметили друг друга поздно, и мне пришлось резко остановиться, чтобы не столкнуться с ним.

— Прошу прощения, — произнёс он, отступая на полшага.

В его голосе не было ни растерянности, ни излишней почтительности. Тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад, одежда дорогая, но без бросающих признаков принадлежности к какому-либо дому. Он выглядел как человек, уверенно чувствующий себя во дворце, хотя прежде я его здесь не встречала.

— Всё в порядке, — ответила я и попыталась пройти.

Он чуть склонил голову, не задерживая меня жестом, но взгляд его остался на мне.

— Вы ведь Мираэль?

— Да. А мы знакомы?

— До этого момента — нет. Меня зовут Сайн.

Имя не вызвало воспоминаний. Я перебрала в памяти лица преподавателей, придворных и тех немногих представителей союзных домов, которых знала прежде, и не нашла ни одного совпадения.

— Рада знакомству, Сайн. Вы гость моего отца?

— Можно сказать и так. Меня пригласили на завтрашний бал. Услышал о вашем возвращении — и решил, что стоит представиться заранее.

Я взглянула на боковой коридор, откуда он вышел. Оттуда редко ходили гости: путь вёл к закрытым помещениям дворцовой библиотеки и служебным лестницам.

— Не самый короткий путь к гостевым покоям, — заметила я.

Он улыбнулся чуть шире.

— Я заблудился среди здешних коридоров. Признаю поражение: дворец оказался сложнее, чем ожидалось.

— Заблудиться здесь легко, — сказала я. — Но к гостевому крылу ведёт другая лестница.

— Благодарю. Кажется, я уже получил от знакомства с вами первую пользу.

Он говорил вежливо, однако не торопился представиться подробнее. Меня это насторожило не потому, что каждый гость обязан рассказывать историю своего рода, — просто он уж очень внимательно следил за моей реакцией.

— Вы давно в Эрэбии? — спросила я.

— Достаточно давно, чтобы оценить её красоту. И недостаточно давно, чтобы считать себя знатоком.

— Ответ, с которым трудно поспорить.

— Удобная черта, не правда ли?

Я улыбнулась, хотя вопросов стало больше.

— Вы интересуетесь магией? — продолжила я. — О вашем имени мне пока ничего не известно.

— Интересуюсь. Ещё искусством и историей. Особенно старой. По реакции людей на неё иногда можно узнать больше, чем из самих книг. — Он бросил взгляд на резную стенную плиту с древним символом. — У вас здесь богатый материал.

Отчего-то эта фраза прозвучала не как обычная любезность.

— Надеюсь, завтра найдётся время поговорить обстоятельнее, — сказал он, прежде чем я успела уточнить. — Не хотелось бы задерживать вас в день возвращения.

— На балу, — согласилась я.

Сайн поклонился и ушёл по указанному мной коридору. Я дождалась, пока его шаги стихнут, затем снова посмотрела на плиту с символом. Такой же знак встречался на старых книгах отца. Может быть, человек действительно увлекался историей. И всё же меня не покидало ощущение, что он отлично знал, куда шёл. Я одёрнула себя: не каждый незнакомец — предвестник беды. После вчерашнего видения мне стоило бы особенно осторожно обращаться с подозрениями.

Но имя я запомнила.

Перед дверями тронного зала стояла стража. Когда меня объявили, створки разошлись, и я ступила на знакомый гладкий камень.

Парадный зал Эрэбии изменился меньше, чем я. Высокие колонны, тёмный мрамор с серебряными прожилками, цветы, растущие прямо из резных ваз, — всё было на своих местах. Под куполом мягко светились кристаллы, и их отражения переливались на полу. В детстве я думала, что именно здесь хранится ночное небо: ведь столько звёзд не могло находиться только над крышей.

Мать уже сидела на одном из тронов. Теперь, в присутствии придворных, она снова стала королевой Элисой, безупречной и собранной. Рядом стоял отец — король Ариэл. Он опирался ладонью на подлокотник кресла и слушал что-то от советника. Завидев меня, оборвал разговор на середине фразы.

— Мираэль!

В его голосе было столько неподдельной радости, что я едва удержалась от желания побежать к нему через весь зал, как в детстве. Я всё-таки прошла положенные несколько шагов, остановилась и начала склонять голову. Отец не позволил закончить поклон.

— Ну уж нет, — сказал он, подойдя ко мне. — Не после стольких лет.

Он заключил меня в объятия, крепкие и немного неловкие из-за церемониального плаща. Я обняла его в ответ, уткнувшись щекой в плотную ткань. Она пахла знакомой кожей перчаток и чернилами. Ещё ребёнком я могла определить, провёл отец день с бумагами или в конюшне, стоило ему войти в комнату.

— Как же я по тебе скучал, — произнёс он почти неслышно.

— Я тоже, папа.

Я сказала это прежде, чем вспомнила, что вокруг собрался двор. По залу прошёл приглушённый шорох. Отец отступил, но улыбаться не перестал.

— Вот теперь можно официально объявить, что наша дочь вернулась домой, — сообщил он придворным.

Кто-то почтительно склонился. Мать прикрыла улыбку ладонью; я видела, что она довольна не меньше отца, хотя и старается сохранять достоинство.

Советники вскоре получили знак удалиться, но несколько церемониймейстеров остались: возвращение наследницы, очевидно, нельзя было оставить совсем без протокола. Мне задали несколько вопросов об Академии. Я рассказала о выпускном испытании, о Лане, о том, как мастер Вейланд до последней минуты напоминал нам о дисциплине. Отец слушал с таким интересом, будто даже в его годы оставался учеником, которому хочется знать, что происходит за пределами собственных владений.

— Говорят, на испытании ты удивила преподавателей, — заметил он.

— Боюсь, наставник Вейланд выразился бы иначе.

— Например?

— «Нестандартно. Слишком поспешно. Попробуйте подумать прежде, чем победить».

Отец рассмеялся. Мать тоже улыбнулась, но затем перевела взгляд на моё лицо, словно хотела что-то спросить. Вопрос остался невысказанным.

— Завтра во дворце состоится бал в честь твоего возвращения, — сказал отец, когда разговор вернулся к делам. — Приедут представители союзных домов, советники и несколько приглашённых гостей. Я хотел бы, чтобы ты встретила с людьми, с которыми тебе предстоит работать.

Слова «предстоит работать» мгновенно вернули мне ощущение, что вместе с чемоданами во дворец доставили мои обязанности.

— Значит, бал не только семейный?

Отец заметил перемену в моём голосе.

— Я бы солгал, назови его исключительно праздником. Но это не значит, что ты должна провести весь вечер за переговорами. Мы хотим отметить твоё возвращение. Остальное будет постепенно.

— Постепенно, — повторила я. — Постараюсь запомнить.

— Ты ещё успеешь пожаловаться на весь придворный порядок, — усмехнулся он. — Пока можешь считать, что завтра главный пункт программы — поздравления.

Я мысленно представила бесконечную очередь поздравляющих и не смогла решить, утешает ли меня такая перспектива. Мать поднялась со своего места и подошла к нам.

— Ариэл, ты успел за несколько минут напомнить дочери обо всём королевстве, — заметила она. — Дай ей хотя бы вернуться домой как человеку, а не как должностному лицу.

— Справедливое замечание.

— Я хотела пригласить тебя в сад, — обратилась мать ко мне. — Просто выпить чаю. Втроём с садовыми фонарями, если ты не возражаешь.

— С фонарями я в хороших отношениях, — ответила я. — И с чаем тоже.

Отец поднял брови.

— А со мной?

— Тебе придётся постараться. Ты уже пообещал мне целую очередь поздравляющих.

Он сердито нахмурился — так нарочито, что я рассмеялась первой. Эта короткая шутка вернула нам то, чего я боялась не найти: возможность говорить друг с другом не только торжественно. Но когда мы прощались до вечера, мать задержала мою руку на секунду дольше, чем требовалось. И я вспомнила, как на площадке переходов её улыбка исчезла от одного вопроса.

Что-то действительно происходило. Только пока никто не собирался говорить об этом в зале, где даже стены привыкли слушать государственные тайны.

Сад находился за восточной галереей. Туда вела длинная крытая дорожка, вдоль которой распускались бледные цветы. Днём — вернее, в часы, которые в других мирах называли днём, — они оставались почти закрытыми, а к сумеречному часу раскрывали лепестки и излучали собственный свет. Между ними тянулись дорожки из светлого камня; у пруда стояла скамья, возле которой в детстве я не раз прятала книги, чтобы читать после отбоя.

Я пришла раньше матери. Слуги уже поставили на маленький столик чайник и две чашки, но мне не хотелось сидеть подле него, ожидая, когда начнётся разговор. Я прошла к воде.

В пруду отражались звёзды и тонкие ветви деревьев. Я заметила трещину на бортике: когда мне было девять, мы с отцом пытались запустить по воде маленькую магическую лодку. Она неожиданно выросла втрое и ударилась о камень. Мы договорились никому не говорить, откуда взялась трещина. Разумеется, мать узнала в тот же вечер.

Я наклонилась к воде и коснулась пальцами поверхности. Знакомая прохлада успокаивала.

— Итак, сколько времени тебе понадобилось, чтобы начать беспокоиться? — спросил Морвэн за спиной.

Я не вздрогнула. К его появлениям я привыкла ещё в Академии, хотя иногда подозревала, что он специально рассчитывает момент, чтобы произвести впечатление.

— Начиная с выхода из портала или с момента, когда ты впервые спросил меня, готова ли я к отъезду?

Тень на дорожке вытянулась. В глубине её мелькнули очертания знакомой фигуры; в открытом саду Морвэн не спешил принимать человеческий облик полностью.

— Давай считать от портала. Иначе ответ меня расстроит.

— Минут десять.

— Неплохой результат. Я ожидал, что продержишься до второго поворота коридора.

Я присела на скамью.

— Здесь всё такое же, — сказала я. — И совсем другое.

— Само по себе противоречие не делает мысль глубокой.

— Я знаю. Я не пытаюсь быть глубокой.

— Значит, просто говоришь со мной? Какое доверие.

Я покачала головой, но улыбнулась. Морвэн скользнул ближе, остановившись на краю дорожки. Его присутствие не вызывало того необъяснимого холода, который я ощущала в ночном лесу из сна. С ним всё было знакомо — от интонаций до манеры замолкать как раз тогда, когда мне требовался прямой ответ.

— Мать ведёт себя странно, — призналась я. — Она обняла меня, словно боялась, что я сейчас исчезну. А потом сразу заговорила о завтрашнем дне и обо всём, что ждёт меня во дворце. Я не понимаю, чего она не договаривает.

— Возможно, у неё есть причины.

— Ты звучишь так, будто знаешь какие.

— Или просто допускаю, что у королевы сложная жизнь.

Я посмотрела на него с подозрением.

— Морвэн.

— Мираэль.

— Ты издеваешься.

— Пока не начинал.

Некоторое время мы молчали. Издалека долетали голоса садовников, но ни один из них не приближался к пруду.

— Я правда боюсь, — сказала я наконец. — Не бала и не придворных правил. Здесь родители, здесь моя комната, мои вещи. Но я вошла во дворец и вдруг почувствовала себя гостьей. Будто мне уже приготовили место, в которое я обязана встать, не задавая вопросов.

Морвэн не ответил сразу.

— Когда-то ты сбежала с занятия по истории царских родов, — напомнил он.

— Это здесь совершенно ни при чём.

— Ты решила, что обязанности наследницы не определяют всё, что тебе позволено. Кажется, ты до сих пор так считаешь.

Я вспомнила тот день: учитель напрасно искал меня по коридорам, а я сидела у пруда, читая старую книгу о трансформациях. Меня нашли к вечеру, наказали лишними уроками и через неделю снова обнаружили в саду.

— Я тогда была ребёнком.

— И потому ещё умела говорить «не хочу», не составляя предварительно письменное обоснование.

— А теперь надо думать о последствиях.

— Именно. И всё же последствия существуют не только у тех решений, которые ты принимаешь. У отказа решать — тоже.

Я провела ладонью по шершавому камню скамьи.

— Ты говоришь, словно у меня всё ещё есть выбор.

— А разве нет?

— Иногда мне кажется, что он давно сделан за меня.

Тень возле его ног едва дрогнула.

— Тогда для начала выясни, какие решения действительно принадлежат другим, а какие ты сама заранее отдала им из страха ошибиться.

Мне не понравилось, насколько точной оказалась эта мысль.

— Знаешь, из тебя вышел бы отвратительный утешитель.

— Но прекрасный советник.

— Особенно если советник обязан оставлять человека с ещё большим количеством вопросов.

— Над этим умением я работал столетиями.

Я хотела спросить, сколько из этого он сказал в шутку. Но на дорожке послышались приближающиеся шаги, и Морвэн сразу растаял в тени дерева. «Не забудь поинтересоваться, как у королевы дела», — произнёс он напоследок.

«А сам ты не останешься?»

«Семейные разговоры редко выигрывают от присутствия третьего». Привычный холодок исчез. Я осталась у пруда одна как раз в тот момент, когда между цветущими деревьями показалась мать. Она сняла часть парадных украшений. Без тяжёлой короны, с чуть ослабленной причёской она выглядела моложе и одновременно устале. Я поднялась ей навстречу.

— Я надеялась, ты здесь, — сказала она. — Раньше тебя было не найти, если ты добиралась до этого сада.

— Вероятно, ты слишком редко проверяла трещину у пруда.

Мать посмотрела на бортик, затем на меня.

— Ты до сих пор помнишь историю с лодкой?

— Отец уверяет, что это был несчастный случай.

— Он до сих пор так говорит?

— С чрезвычайно убедительным видом.

Она засмеялась. Негромко, но от души. Я поймала себя на том, как сильно скучала по этому смеху.

Мы сели у чайного столика. Мать налила чай сама, отказав сопровождавшей её служанке, и дождалась, пока та уйдёт. Некоторое время мы говорили о пустяках. Она расспрашивала о Лане и моих занятиях, я — о саде, отце и старых знакомых. В какой-то момент разговор так напоминал вечера моего детства, что я почти поверила: достаточно задержаться здесь ещё немного, и годы разлуки исчезнут.

Мать поставила чашку.

— Мираэль, прежде чем мы продолжим, мне нужно кое-что сделать.

Она подняла руку. Воздух над столом дрогнул, и между цветами пробежала прозрачная волна. Я сразу узнала защиту от постороннего слуха: несложную по форме, но требующую точного контроля. Она сомкнулась над нашей скамьёй, почти невидимая, лишь на мгновение приглушив звуки воды.

— Защита? — спросила я.

— Да.

— В собственном саду?

— Особенно в собственном саду.

Мать говорила спокойно, но я заметила, как она проверила границу заклинания. Дважды.

— Что происходит?

— Сначала позволь мне спросить о тебе. Как прошёл выпускной на самом деле? Без слов для придворных.

Я посмотрела на неё. В глазах у матери стояло то же беспокойство, что встретило меня у портала, только теперь она не прятала его за приветственной улыбкой.

— Было красиво, — начала я. — Все так готовились, что я боялась испортить вечер одной неловкой репликой. Мы танцевали. Говорили о будущем. Но под конец... — Я остановилась, вспомнив лес, внезапно возникший перед глазами посреди праздничного двора.

Мать выжидала, не перебивая.

— Мне вас не хватало, — сказала я вместо продолжения. — На выпуске. Раньше. И когда вчера стояла среди друзей и понимала, что завтра уеду. Я знала, что у вас дела, но от этого не становилось проще.

Мать опустила взгляд на свои руки.

— Ты имеешь право сердиться.

— Я не сержусь. Не совсем.

— Ты всегда старалась облегчить другим их вину. Даже когда не обязана была.

Я хотела возразить, но не нашла слов.

— Мы с отцом действительно не могли приехать, — продолжила она. — И всё-таки это не отменяет того, что тебя там не поддержали родители. Мне жаль, Мираэль. Никакие государственные причины не заставят этот день повториться.

Она протянула руку, и я вложила в неё свою. Её пальцы были прохладными, как всегда после сильных защитных чар.

— Я знаю, что вы меня любите, — сказала я. — Просто иногда это знание и тоска существуют одновременно.

— Так бывает. Даже с теми, кого любят очень сильно.

Несколько минут мы сидели молча. Я слушала журчание воды за границей заклинания и чувствовала, как уходит давнее напряжение, которое принесла из Академии. Потом мать заговорила снова:

— В последние годы при дворе стало беспокойно. Ты видишь только привычные коридоры и наши встречи. Но многое изменилось.

— Ты намекнула на это у портала.

— Я не хотела испугать тебя в первые минуты после возвращения. И не хочу сейчас. Но ещё хуже было бы сделать вид, что никаких проблем нет.

Она обернулась к главной аллее. За защитой по-прежнему двигались садовники; отсюда они казались далёкими и безобидными.

— За деятельностью нашего двора пристально наблюдают Хранители. Официальная причина — безопасность королевства и равновесие магии. Я не собираюсь утверждать, будто эти задачи не важны. Но некоторые вопросы, которые нам задают, выходят далеко за пределы обычных проверок.

Я медленно поставила чашку на стол.

— Какие вопросы?

— О старых договорах. О закрытых архивах. О вещах, которые, как я думала, давно перестали интересовать кого-либо за пределами Эрэбии. — Мать сжала губы. — Они словно ищут что-то определённое, но не называют это вслух.

В памяти сразу возник Каэль: серебряный знак Хранителей на его костюме, внимательный взгляд, обещание быть рядом. У меня в груди неприятно кольнуло.

— Все Хранители?

— Я не знаю. И потому не стану обвинять каждого, кто носит их знак. Это было бы несправедливо. Но я обязана понимать, насколько безопасны наши решения.

— А отец?

— Знает то же, что и я. И делает всё возможное, чтобы не превратить дом в крепость, где каждый разговор начинается с подозрения.

Я пыталась связать услышанное с тем, что происходило со мной в Академии. Сон о незнакомом лесу, фигура с глазами, похожими на звёзды, слова директора о границе миров. Наверно, никакой связи не было. Но возможность того, что она существует, теперь казалась тревожнее.

— Ты думаешь, это касается меня? — спросила я.

Мать посмотрела на меня пристально.

— Я думаю, тебе не следует считать себя сторонним наблюдателем. Ты наследница Эрэбии. И твоя магия... — Она остановилась.

— Что с моей магией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.